

Группа

К. Барроу

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

«Love & Chaos»

Кристина Барроу

Эфир

«Автор»

2026

Барроу К.

Эфир / К. Барроу — «Автор», 2026 — («Love & Chaos»)

Если вас швырнули в фонтан в канун Дня святого Валентина — это уже плохой знак. Если это сделал ваш заклятый враг — приготовьтесь: хуже уже некуда. Мэдисон Миллер и Ашер Кингсли привыкли ненавидеть друг друга. Их жизнь — это бесконечная война из колких слов, испорченных праздников и взаимных провокаций. Они знают друг друга слишком давно, чтобы когда-либо стать чем-то большим, чем врагами. Но когда судьба заставляет их вести совместный эфир о любви, правила игры меняются. Теперь им приходится не только работать вместе, но и говорить о чувствах, в которые они сами не верят. Грань между «искренне ненавидеть» и «отчаянно желать» гораздо тоньше, чем им казалось.

© Барроу К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
Плей-лист	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37

Кристина Барроу Эфир

Посвящение

*Моим друзьям, которые не испугались первого впечатления и дали мне шанс быть собой.
Эта книга ваша настолько же, насколько и моя.*

Плей-лист

Chord Overstreet & Deepend — Hold On
DEADLUVE — I Was Yours
silent anthem — Die for You
Sun Never Sets — What About Day
DEADLUVE — I Was Yours
HEXXENMIND — EYES CLOSED
Gwen Stefani — The Sweet Escape
Brutaliti — Summer Nights
Switch Disco, Charlotte Haining & FELIX — I FOUND YOU
VANLAV — Poison (feat. Derek Joel)
Our Mirage — God Behind Your Eyes
Dustin Lynch — Small Town Boy
Miley Cyrus — Wrecking Ball
My Darkest Days — Without You

Глава 1

Мэдисон

Перед моим лицом — задница.

Настоящая, до зависти плотная и бессовестно упругая мужская задница. Она сексуально двигается в такт шагам, как чертов метроном, напоминая мне о двух вещах. Во-первых, прилив крови к голове явно не способствует рождению гениальных планов спасения, а во-вторых — я не просто ненавижу Ашера Кингсли. Я презираю его каждой клеткой своего существования.

Я очередной раз брыкаюсь, пытаюсь коленом заехать по ребрам этому неандертальцу, на плече которого я сейчас болтаюсь, но тот лишь звонко шлепает меня по заднице.

— Ты только что меня шлепнул?! — пропищала я, колотя его по спине.

В ответ слышен только его идиотский смех и следом чувствовалось почти нежное поглаживание в месте, где его ладонь не должна быть ни при каких обстоятельствах оказаться. Я, черт возьми, его придушу! Клянусь, как только мои ноги коснутся земли, я найду способ скоротить его конечности местным белкам.

Мы проходим мимо палатки, где продают «любовные зелья» (крашеную газировку с двойной порцией сахара), мимо фотозоны с картонным Купидоном (кто-то очень «одаренный» пририсовал ему весьма впечатляющие гениталии), и мимо бесконечных пар, которые замирают в поцелуях прямо посреди дороги, рискуя быть растоптанными этим Шреком. Ашер тащит меня через весь розовый хаос, как танк через поле гребаных маргариток, и все уступают ему дорогу. Еще бы, попробуй не уступи двухметровой горе мышц с дергающейся ношей на плече.

Какова удача оказаться в таком положении именно сейчас, когда весь кампус готовится к празднованию Дня святого Валентина? Бекманн-хилл выглядел сейчас так, будто сюда стошнило радужного пони, а фея Динь-Динь случайно рассыпала последние запасы блестящей волшебной пыли прямо в глаза студентам. Это заставляло их лизаться в канун праздника так жадно, будто они участвовали в мировом соревновании по обмену слюной и на кону стояли их жизни.

— Ты ведь не думала, что я спущу тебе это с рук, Миллер? — доннесся голос Ашера.

Я издала нечто вроде стога. Или недовольного фырканья. В моем нынешнем положении — когда внутренние органы решили поменяться местами, головная боль от вчерашней текилы бьет в виски, а в поле зрения только задница Ашера в черных джинсах, которую я старательно пытаюсь не трогать, — сложно быть чертовой Опррой Уинфри.

— Отлично, — заключает этот недоумок, перехватывая меня поудобнее, отчего моя селезенка, я уверена, жалобно пискнула. — Твое молчание — лучший подарок, который я получал за этот семестр.

Он даже не замедлил шаг. Просто тащил меня через главный двор университета так непринужденно, словно я была не живым человеком, а мешком картошки, купленным по акции в Walmart.

И самое ужасное было даже не унижение. Самое ужасное, что мы с ним были не просто случайными знакомыми или, упаси боже, «бывшими». Наши родители — лучшие друзья. У нас с Кингсли есть семейные фото, где мы вдвоем голышом в ванночке (компромат на всю жизнь), и другие, где мы в подготовительном классе, он дергает меня за косу, а я рыдаю с таким видом, будто он только что сообщил, что Санты не существует. Эта проклятая фотография в рамке из чистого серебра стоит как в доме моих родителей на каминной полке, так и в доме родителей Ашера.

Мы делили все праздники, все отпуска, все неловкие семейные посиделки с обсуждением колоноскопии наших дедушек. Мы были вынуждены терпеть друг друга всю жизнь, и это создало между нами совершенно особый, токсичный, но неразрывный вид связи. Но, я точно знала, что ровно через сорок пять минут наши мамы будут сидеть в «Starbucks», попивать свой обезжиренный латте и обсуждать, как было бы чудесно, если бы мы наконец поженились.

Убейте меня кто-нибудь. Прямо сейчас.

— Кингсли, — прохрипела я, вцепившись пальцами в его джинсы в районе бедра, просто чтобы не соскользнуть и не встретиться лицом с тротуаром. — Клянусь богом, если ты сейчас же не поставишь меня на землю, я выпарапаю свои инициалы у тебя на лопатках.

— О, угрозы! Мы вернулись в привычное русло отношений, — хмыкнул он, и я почувствовала вибрацию его смеха всем телом. Мерзость. — Но у меня для тебя другие планы, конфетка. Мы как раз подходим к самому романтичному месту кампуса.

Мы остановились. Кровь прилила к моей голове настолько, что я уже начала видеть галлюцинации в виде танцующих кукол, проходящих по тротуару недалеко от нас. Впереди послышался шум воды. Наш знаменитый мемориальный фонтан, который сегодня, в честь этого дурацкого праздника, от которого у всех нормальных людей сводит челюсти, был выкрашен в ядовито-розовый цвет и украшен плавающими свечами и пенопластовыми купидонами. Романтика, черт бы ее побрал.

Ашер перехватил меня, наконец перевернув в вертикальное положение, но не выпуская из захвата. И снова его руки покоились на моих ягодицах. Я на секунду подумала, что он сейчас меня аккуратно спустит, но тот лишь крепче сжал меня в своих огромных ручищах.

— Тебе бы преподать урок, Мэдисон.

— Это была месть! — взвизгнула я, наконец понимая, куда клонится этот цирк.

— Твой каблук прочертил на моей пассажирской двери идеальную линию, которую, я уверен, видно со спутников НАСА, — парировал он, сузив свои золотисто-карие глаза. В них плясали чертики. — Надеюсь, *это* немного охладит твой пыл.

— Ашер, не смей... Ты не посмеешь! Ашер! Это харрасмент! Я подам в суд! Только не в фонт...

Плюх.

Мир взорвался брызгами, хлорированной водой, ароматом дешевых вишневых ароматизаторов и, кажется, парой плавающих купидонов, которые безвременно скончались под моим весом.

Я вынырнула на поверхность, отплевываясь, кашляя и судорожно хватая ртом воздух, который внезапно оказался ледяным. Я смахнула когда-то светлые пряди с лица, чувствуя, как с меня стекает вода цвета баблгама. Удивительно, но она не была такой холодной, как я ожидала, несмотря на то что на улице был февраль. Наверное, подогрев включили для тех идиотов, которые решат поплавать здесь в полночь.

Я уставилась на Кингсли снизу вверх. Он стоял на мраморном бортике, засунув руки в карманы, и выглядел пугающе довольным. Свет розовой подсветки падал на него, делая его похожим на какого-то глянцевого злодея из молодежного сериала на CW. На его джинсах осталось пятно от моей ноги — я, по крайней мере, успела его испачкать, когда пыталась отбиться. Маленькая победа.

— Ты... Ты законченный, клинический придурок! — заорала я, пытаюсь встать на ноги на покрытом слизью дне. — Ты хоть представляешь, сколько стоила эта укладка?! Я должна была идти на свидание сегодня вечером!

— Меньше, чем профессиональная покраска крыла и двери моей машины, я в этом абсолютно уверен, Миллер, — бросил он, окинув меня ленивым, оценивающим взглядом, от которого у меня мурашки пошли по коже (от холода, конечно). — И свидание, судя по всему,

отменяется. Что, честно говоря, к лучшему, я только что избавил какого-то бедолагу от часа мучительных страданий в твоей компании.

— Ах ты... — я зачерпнула пригоршню воды и швырнула в него, но он даже не шелохнулся, вода просто капнула на его ботинок. — В следующий раз я не просто поцарапаю твою жестянку, я засуну эти туфли тебе в задницу! По одной за раз! Каблуками вперед! Ты меня понял, Кингсли?! Чтобы ты ими завтракал, обедал и ужинал! Я ненавижу тебя всей душой! Слышишь?! Ненавижу!

— Как грубо, Мэдисон. Тебе совершенно не идет ругаться, — он усмехнулся, демонстрируя свои идеально ровные зубы. — Хотя, должен признать, конкурс мокрых маек ты бы выиграла без конкуренции, — его взгляд на долю секунды задержался на моей груди, где лифчик просвечивал сквозь мокрую ткань водолазки, и я инстинктивно прикрылась руками, чувствуя, как краснею. Он снова поднял глаза к моему лицу, улыбаясь еще шире: — С праздником, Миллер. Наслаждайся купанием.

Я огляделась. На нас пялились все. Пары прекратили обниматься, поедать рты друг друга и проявлять чрезмерную близость на публике. Первокурсники, которые выступали в роли волонтеров и продавали валентинки, застыли со скорбным видом. Какая-то девушка в углу ахнула и выронила свой стаканчик с кофе. И, конечно же, кто-то в третьем ряду уже всюду стримил это в TikTok.

Мы официально станем самым популярным и вирусным роликом в социальных сетях ко Дню святого Валентина.

— Пошел ты к черту, Кингсли! — проорала я, пытаюсь сохранить остатки достоинства, стоя по пояс в воде. — Я уничтожу тебя! Я скормлю твои внутренности...

— ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ?!

На ступенях главного корпуса стоял декан Харрис. Его лицо имело тот самый оттенок баклажана, который обычно предшествовал массовым отчислениям.

— Опять вы двое?! — взревел он, спускаясь к нам. — Мисс Миллер! Почему вы сидите в фонтане, который мы так старательно украшали, и кричите о... анальных попытках обувью в разгар праздника любви?!

Ашер, ни капли не смутившись, вздохнул и обернулся к декану.

— Мистер Харрис, мне тоже надоели ее выходки, — произнес он с такой святой простотой, что мне захотелось утопить его прямо здесь. — Но это было ради безопасности. Видите ли, Мэдисон Миллер — угроза для общества. У неё тяга к разрушению чужого имущества. Знаете, я думаю, пора принимать радикальные меры. Можете просто отчислить ее. Так всем будет лучше.

Я открыла рот, чтобы выдать тираду, за которую меня могли бы не просто отчислить, а депортировать из страны, но только издала обиженное бульканье. К тому же, я понимала, что декан все равно ничего не сделает, ведь наши отцы — щедрые спонсоры университета. Это была тупиковая ситуация.

Мистер Харрис открыл рот, и я приготовилась к привычному сеансу моральной мясорубки. Это было наше классическое «дежавю». В прошлый раз, когда мы пытались «украшать» двор к Хэллоуину, все закончилось тем, что мы с Ашером ввалились в кабинет декана, обмотанные липкой метаморфической паутиной, измазанные бутафорской кровью и бог знает чем еще, донося друг на друга. Тогда «в последний раз» прозвучало из уст Харриса примерно в восьмой раз за семестр. Нам даже выписали некое подобие судебного запрета на приближение друг к другу. Местный университетский терапевт (или кто-то, кто очень хотел им быть) выдал бумажку, запрещающую нам дышать одним воздухом в радиусе пяти метров. Как видите, терапия не помогла. Пять метров превратились в ноль, как только невыносимая персона Кингсли вошла в контакт с моей более сносной.

К декану подбежала какая-то девушка с огромными, полными ужаса глазами. Пока она что-то быстро и сбивчиво шептала ему на ухо, я с ожесточением отжимала подол своей короткой юбки. Февральская погода Бруклина та еще мерзость. Ледяной ветер с океана начал превращать меня в ледяную статую. Зубы готовы были бить чечетку, но черта с два я покажу Ашеру, что мне холодно. Смерть от гипотермии — достойная цена за то, чтобы не дать этому индюку повода для торжества.

— Эй, возьми, ты же совсем замёрзнешь, — какой-то парень, явно впечатленный моим эффектным заплывом, протянул мне свою куртку.

Я приняла её, накинув на плечи, и послала свою самую обаятельную, «фирменную» улыбку.

— Спасибо, ты настоящий джентльмен, в отличие от некоторых образцов, застрявших на ранних стадиях развития, — громко произнесла я, косясь в сторону Кингсли.

Ашер лишь коротко усмехнулся, глядя на бедолагу так, будто тот только что добровольно вызвался засунуть голову в пасть аллигатору.

Мистер Харрис наконец закончил слушать донос и преодолел расстояние до фонтана, из которого я только что вылезла. Он упер руки в бедра, переводя взгляд с моей промокшей персоны на невозмутимого Кингсли. Затем выдал тяжелый вздох.

— Полагаю, вас двоих буквально тянет друг к другу как магнитом, — проворчал он, массируя переносицу. — Раз даже после того, как я официально запретил вам находиться в одном часовом поясе, вы всё равно умудряетесь оказаться в одной луже.

Мы с Ашером нахмурились *синхронно*. Раздражение вспыхнуло в нас обоих *одновременно*.

— Это не я! Он меня... — начала я, указывая пальцем на Кингсли.

— Она первая начала царапать мою... — вторил придурок.

Харрис резко поднял руку, прерывая наш поток взаимных претензий. Я бросила на Ашера гневный взгляд, обещающий долгую и мучительную расправу. Он лишь картинно закатил глаза, но, к моему удивлению, заткнулся.

— Дело вот в чем. Все знают, что каждый год наш университет ведет радио-рубрику «Служба поддержки влюбленных», — продолжил мистер Харрис. Мне показалось что то, что мы услышим дальше, не предвещало ничего хорошего. — И так уж вышло, что в этом году никто не подал заявку на роли ведущих. Видимо, современные студенты разучились любить или просто слишком ленивы. И раз вас так неодолимо тянет оказаться в компании друг друга... поздравляю. В этом году вы — наши официальные голоса любви. Вы будете соведущими.

— Да вы шутите! — взвизгнула я, едва не уронив куртку с плеч, когда попыталась взмахнуть руками. — Я не буду никаким соведущим с этим прямоходящим недоразумением!

— Вероятно, когда вы откроете дверь студии через час, вы найдете там останки этой тупицы под горами перерезанных проводов, — усмехнулся Ашер.

Я едва сдержала себя, чтобы не схватить раскладной стул, на котором сидел уличный художник, сосредоточенно рисовавший карикатуру на университетский двор. Стул выглядел достаточно увесистым, чтобы оставить на лбу Кингсли красивый отпечаток.

— Радио принадлежит городской ратуше, мистер Кингсли, — отрезал декан. — И я более чем уверен, что губернатор, который финансирует этот проект, не будет так лоялен к вашим семейным привилегиям, как я. Поэтому слушайте меня внимательно: вы можете делать в этой будке что захотите. Хоть поубивайте друг друга, хоть устройте там гладиаторские бои, но вы, черт возьми, будете вести этот эфир. И точка.

Харрис развернулся и зашагал прочь, оставив нас стоять у фонтана.

— Ну что, Мэдисон? — Ашер медленно повернулся ко мне. Его толстовка облепляла широкие плечи так бесстыдно, что это должно было быть незаконно в общественном месте. — Поздравляю.

— Ты — законченное ничтожество, Кингсли, — я выжала прядь волос прямо ему на ботинок. — Это ты виноват. Если бы ты не возомнил себя гребаным перевозчиком и не закинул меня на плечо, мы бы сейчас не подписывали контракт с дьяволом в лице Харриса.

— О, прости, что прервал твой вандализм! — он вскинул руки. — Ты царапала мою машину, Мэдисон!

— Да я бы сожгла её, если бы под рукой был бензин!

Мы стояли друг напротив друга, тяжело дыша. Вокруг нас медленно растекалась розовая лужа, и в этом было нечто глубоко символичное. Наша жизнь всегда превращалась в какой-то абсурдный апокалипсис, стоило нам оказаться в радиусе мили.

Я смотрела на его самодовольную физиономию и чувствовала, как в груди разрастается знакомый комок ярости, смешанный с тошнотворным чувством... узнавания. Боже, я до сих пор не могла в это поверить. Каждый раз, когда я видела его профиль, в голове всплывал один и тот же кадр, который я пыталась выжечь из памяти каленым железом.

Выпускной класс. Та самая ночь, когда мой здравый смысл совершил побег. Это определено было алкоголь. Та самая бутылка виски, которую мы стащили из бара моего отца, пока родители обсуждали наши «блестящие перспективы» в гостиной. Если бы не эти сорок градусов чистой тупости, я бы ни за что на свете не позволила этому напыщенному индюку даже коснуться моей руки, не говоря уже о том, чтобы отдать ему свою девственность на заднем сиденье его джипа под какой-то дурацкий трек Ланы Дэль Рей или что-то в ее духе.

— Миллер? — Ашер прищурился, заметив, как я на секунду зависла, глядя в пустоту.

— Я пытаюсь сообразить, — я сделала шаг к нему, ткнув пальцем в его твердую грудь, — как мне пережить две недели в одной комнате с тобой и не сесть за преднамеренное убийство первой степени.

— Будет сложно, — он перехватил мой палец, и его ладонь оказалась пугающе горячей. Его взгляд упал на мои губы — всего на микросекунду, но я это заметила. И прокляла себя за то, что проследила за движением его языка, когда он облизнул нижнюю губу.

Черт, надо было вчера переспать с тем барменом, тогда бы я не думала о том, каков Кингсли на вкус сейчас.

— Ненавижу тебя, — выдавила я едва слышно.

— Знаю, Мэдисон, — донеслось в ответ. — Это единственное, в чем ты стабильна.

Глава 2

Ашер

У Мэддисон Миллер есть одна уникальная суперспособность: она умеет превращать мою жизнь в ад быстрее, чем я успеваю сказать «доброе утро».

Я выставил вес на тренажере для жима ногами сразу на максимум, чтобы хоть как-то выплеснуть это гребаное кипение в крови. Металл лязгнул так громко, что пара девчонок в лосинах у входа синхронно вздрогнули.

Мышцы бедер натянулись, когда я выжал платформу вверх.

— Почему, черт возьми, эта идиотка постоянно вредит именно машине?! — я поморщился, прокручивая в голове звук скрежета этого проклятого каблука по двери моей Lamborghini.

Чертов шедевр итальянской инженерии, цвета «матовый графит», который еще вчера выглядел на миллион долларов, а сегодня на парковке кампуса красовался с глубокой царапиной, будто по нему прошелся Росомаха.

— Ты вылил перекись на ее замшевые туфли, которые подарил ей дедушка, изготовленные по собственному эскизу и которых нет больше ни у кого в штате, — невозмутимо ответил Кэм.

Он стоял рядом, лениво попивая протеиновый коктейль и обводя взглядом зал с панорамными окнами.

— Поэтому она и поцарапала твою тачку. Справедливый обмен в мире Мэдди.

Я зафиксировал платформу и уставился на него, тяжело дыша. Меня раздражало, что он называл ее «Мэдди». Но, естественно, я не произнес этого вслух. Кэм часто выступал в роли рефери, когда мы цеплялись с этой ненормальной друг другу в глотки. Но он, по крайней мере, был моим лучшим другом, а не ее.

Выкуси, Миллер.

Я демонстративно показал пальцем на свой рот.

— Эта штука создана, чтобы говорить, ты в курсе? Мэддисон могла просто подойти и извиниться за то, что заменила мои конспекты на гребаный сценарий порнофильма! И я, как последний кретин, не вывел бы этот чертов шедевр на проектор вместо доклада о многоклеточных организмах!

Кэм поставил шейкер на скамью. В его глазах плясал смех, но он пытался держать лицо по контролем. Не то что в тот день в аудитории биологии. Тогда вся группа — *тридцать чертовых третьекурсников* — просто завывали от хохота, глядя на детализированные голограммы из Камасутры, которые развернулись на огромном экране прямо за спиной профессора Уайта. Уайт тогда чуть инфаркт не схватил, а я стоял с указкой как полный дебил, пытаюсь объяснить, что «глубокое проникновение» в моем тексте изначально относилось к делению клеток.

— Ты тогда заблокировал ей выезд, когда она опаздывала на собеседование, Ашер. Забыл? — Кэм подошел к стойке с гантелями и выбрал парочку потяжелее.

— Она могла бы просто попросить меня перепарковаться! — я вскочил с тренажера.

— Она просила.

— Вежливо, Кэм! — я вскинул руки, едва не задев парня, проходящего мимо с гантелями. — А не орать на всю улицу: «Убери, черт возьми, свое дерьмо с дороги, придурок!»

Кэмерон сжал переносицу, закрыл глаза и с трудом подавил смех.

— Там было миллион свободных мест, Ашер, — сказал он наконец, приступая к подъемам на бицепс. — Но ты припарковался именно у нее на пути.

Я захлопнул рот. Черт. Ладно. Да. Я сделал это специально. Прижал её «Ауди» так, что ей пришлось забираться в салон через багажник.

Почему? А потому что эта девчонка раздражает меня одним фактом своего существования. Мэдисон слишком дерзкая, слишком уверенная и слишком чертовски красивая в этих своих коротких юбках, демонстрирующих ее сексуальную татуировку на всю правую ногу, чтобы я мог спокойно пройти мимо и не задеть её. И потому что я до сих пор, мать его, не простил ей того огромного лохматого паука, которого она закинула мне под одеяло очень много лет назад.

А я, если что, ненавижу пауков. До тошноты. До темных пятен перед глазами. Мой обморок в тот вечер не был «актерской игрой», как она потом всем трепала. Это была клиническая смерть от ужаса, ясно?!

Я глубоко вдохнул, поправил воротник своей футболки и посмотрел на Кэма с ледяной, почти психопатической улыбкой.

— Знаешь что? Ты уволен с должности моего лучшего друга, придурок.

На этот раз Кэм не удержался и рассмеялся так громко, что его, уверен, слышали в соседнем пригороде. Но мне было не смешно.

Я не смеялся, когда увидел Мэдисон в своей новой школе. Не смеялся, когда мы попали в одни классы в старшей школе, и уж точно не обрадовался, когда обнаружил ее заносчивую персону на первом курсе колледжа у того самого фонтана, куда я вчера ее выкинул. Честно говоря, изначально я вообще не знал, зачем перекинул ее через плечо, как какой-то неандерталец, но это было лучше, чем... чем как несколько лет назад, когда она не могла закрыть свой рот и болтала о каком-то парне с другой школы.

Это был единственный раз, когда мы с Мэдисон ладили. В ночь после выпускного. Но там был замешан виски и неумение пить в семнадцать лет. Мы перебрали, потом я решил, что заткнуть ее поцелуем — отличная идея, и все закрутилось. Поцелуи перешли в горячие касания, а когда она оседлала мои бедра прямо на переднем сиденье моего джипа, я вообще перестал соображать. Мы переспали.

Это была крутая ночь. Из тех, что нельзя заканчивать сухим «*Спасибо, выручил*». Но Мэдисон Миллер произнесла именно эту фразу, поправила платье и вышла из машины так, будто мы просто обсудили погоду, а не лишили друг друга девственности.

И после всего этого декан Харрис решил наказать нас, заперев в тесной радио-рубке? Он определенно спятил.

Проблема в том, что отказаться нельзя. Это радио принадлежало не только университету — оно вещало на весь Бруклин и поддерживало какое-то модное движение для будущих журналистов. Вот только, какого хрена, будущие журналисты не подали заявки в этом году? Черт, из-за этих идиотов я должен теперь терпеть самую несносную девицу во вселенной.

Я даже уверен, что черная прядь в ее светлых волосах — это хреново замаскированная внутренняя личность Дьявола. Не верьте Мэдисон Миллер, когда она будет говорить, будто просто решила покрасить всего лишь одну прядь, а не всю голову, как нормальные люди. Хрена с два. Это. Определенно. Са-та-на.

— Итак, — Кэм накинул полотенце на шею, подходя к тренажеру, на котором я просто лежал и пялился в потолок. — Когда вы приступаете к раздаче советов о чувствах на радио?

Я перевел взгляд на друга. Его новая химзавивка выглядела как стрижка черного пуделя, честное слово.

— Дай угадаю, Мэдди уже пожаловалась, что нам придется делить один воздух? — фыркнул я.

Кэмерон усмехнулся и качнул головой.

— Не-а. В главном холле выставили афишу с именами ведущих и номером горячей линии. С каким-то душевным слоганом в духе «Ты не одинок».

— Тошнотворно. Рубрика запускается в понедельник и продлится почти до конца февраля.

— Ты ведешь себя как ребенок, Эш. Отведете эфир и разбежитесь.

Разбежимся? Сомнительно. Мы с Миллер как два разнополярных магнита в одной жестяной банке. Стоит нам оказаться в радиусе пяти футов, и пространство начинает искрить так, что в округе выбивает пробки.

Я провел полотенцем по лицу, наслаждаясь тем самым любимым жжением в мышцах после тяжелого жима. Эндорфины обычно работали как часы, но сегодня они бессильно пасовали перед нарастающим зудом.

Радиостанция «ВН Brooklyn» ютилась в старой башне кампуса, крошечном, обшитом звукоизоляцией бункере. Местный кондиционер дребезжал и заходил в кашле так натужно, будто у него была терминальная стадия туберкулеза. И в этом замкнутом пространстве мне предстояло провести три часа. Три часа тет-а-тет с девушкой, которая, я был готов поставить свою почку на кон, уже составила список из пятидесяти изощренных способов довести меня до психушки.

По всем неписаным законам вселенной, если ваши родители — лучшие друзья со времен школы и каждые выходные переворачивают бургеры на заднем дворе, их дети просто обязаны быть не разлей вода. Мы должны были вместе гонять на великах, праздновать Дни Благодарения и прикрывать друг друга перед предками.

Но реальность была другой. Мы возвели искусство ненавидеть друг друга на новый уровень.

У Мэдисон всегда были самые токсичные подружки, каких только видел этот свет — шумные, заносчивые девицы, от которых за милю пахло драмой. Я же всегда держался своей проверенной свиты, в центре которой неизменно находился Кэмерон Кларк и пара приятелей.

Наше противостояние строилось на какой-то извращенной, самой нелогичной стратегии.

Я завязал со спортом в старшей школе только потому, что Мэдди всегда с ума сходила по «качкам». Да, логика железная — лишить себя футбольного будущего, чтобы просто не соответствовать ее типу.

Мэдди, в свою очередь, так и не вступила в группу поддержки, хотя была рождена для этого. Почему? Потому что капитаном чирлидерш была моя первая серьезная девушка.

Мы с Кэмом направились в раздевалку. После быстрого душа он бросил мне короткое «до завтра» и умчался в кофейню неподалеку, где работала его девушка с мужским именем Чейз. Чертов подкаблучник, вот кто он.

Я выудил из рюкзака телефон, и мои брови тут же взлетели к линии роста волос. На экране висели уведомления от моего кузена из гребаного Колорадо. В последний раз, когда Марк Кэллоуэй выходил на связь, он был пьян в стельку и требовал от меня «гарантированных советов» о том, как заставить лучшую подружку в него влюбиться.

Честно? Я даже не помню, что за чушь я ему тогда наплел. Я сам торчал в баре и как раз успешно «обрабатывал» одну горячую цыпочку, пока ядерная боеголовка в лице Мэдисон Миллер не приземлилась на соседний стул.

Она громко заявила, хлопнув меня по плечу, как будто мы давние друзья, что моя беременная девушка (которой, к слову, не существовало в природе) просила по дороге домой захватить в Тасо Белл и взять побольше тако с экстра-порцией соленых огурцов.

Мой быстрый перепих испарился быстрее, чем лед в стакане. Определенно, я был не в лучшем состоянии, чтобы раздавать советы по личной жизни.

Марк: *Чувак, серьезно, спасибо, что я в свое время забил на твое дерьмовое «от ненависти до любви». Иначе Элли бы в жизни меня не простила, если бы я окунул ее в фонтан посреди февраля. Ты совсем отбитый, Ашер?*

Я ошарашенно уставился в экран своего телефона, не понимая, как, черт возьми, Марк узнал об этом. Пальцы уже начали печатать гневный вопрос, но тут в памяти всплыла вспышка — кто-то из толпы снимал нас на телефон. А Элли, которую Марк все-таки добился (судя по его профилю в Instagram с единственной фоткой горячей рыжей девчонки и подписью в виде мандарина), была их местной звездой соцсетей или типа того.

Ну конечно. Мы наверняка залетели в какой-нибудь топ «Fail of the week» в TikTok или Reddit.

Ашер: *Я не просил твоих советов, бро.*

Марк: *У тебя не методы, а пособие «Как остаться девственником до тридцати». Если ты реально думал, что это поможет тебе затащить ее в постель, то ты тупее, чем кажешься.*

Ашер: *Кто сказал, что я этого хочу?*

Марк: *Да брось, ты вообще в сеть выходишь? Там на видео крупным планом твое лицо с титром: «Влюблен по уши, но слишком туп, чтобы это признать».*

Что за херню несёт этот придурок? Я, конечно, читал, что любовь плавит мозги, но не до такой же степени. Или правительство реально распыляет что-то в воздухе перед Днем Святого Валентина, что все вокруг разом превратились в влюбленных зомби?

Ашер: *Я не собираюсь обсуждать это с тобой. Точка. Ближе к делу, нахрена ты мне пишешь?*

Марк: *Мудак.*

Ашер: *Скажи то, чего я не знаю, Кэллоуэй.*

Мы с Марком общались редко. Обычно это случалось, когда его заносчивая задница соизволяла выбраться из Боулдера, и приехать к отцу в Верхний Ист-Сайд. Но он не появлялся в Нью-Йорке вечно. Видимо, тот захолустный городок, куда его сослали после очередной разбитой машины, реально его изменил.

Марк Кэллоуэй был засранцем еще со времен частной школы. Я не удивился, когда его вышвырнули за пределы штата. У этого парня никогда не было целей — только бесконечные вечеринки и неограниченный лимит по кредитке. Но мать уже прожужжала мне все уши, что он остепенился, стал домашним котиком и даже нашел работу. Seriously? Что мешало ему не быть дегенератом здесь?

У меня, в отличие от него, было реальное препятствие — Мэдисон Миллер. Девчонка, которая превращала мою жизнь в полосу препятствий и мешала мне двигаться к цели. А я планировал добиться многого, где точно не будет места ни одной живой душе с фамилией Миллер.

Марк: *Просто хотел дать тебе реально дельный совет, Ашер: иногда некоторые вещи... они не те, чем они кажутся. Приглядиись.*

Ашер: *Иди к черту, сенсей.*

Я нажал на кнопку блокировки так сильно, что едва не треснуло стекло. К черту всех.

Глава 3

Мэдисон

Я нервно мерила шагами свой лофт почти на окраине Бруклина. Подошвы моих домашних тапочек гулко шлепали по бетонному полу, и этот ритм — *тук, тук, тук* — только сильнее раздувал раздражение внутри. Места здесь было достаточно, чтобы находить шаги, которые я задолжала.

Серьезно, двадцать тысяч шагов в день? Я остановилась, вытирая влажные ладони о штаны, и злобно посмотрела на пульсирующий зеленый огонек на фитнес-часах.

Напомните мне больше не участвовать в марафонах, которые периодически предлагали мои фитнес-часы на запястье. Это издевательство. Чистой воды садизм.

Я резко развернулась на пятках, iPad едва не выскользнул из вспотевших рук, и подошла к окну. Снаружи Бруклин медленно погружался в вечер, а я чувствовала себя тигрицей, запертой в клетке, которую называла своим домом. Мои родители неплохо вложившись в это потрясающее, пропитанное историей пространство, лишь бы я могла спокойно изучать дизайн и исполнять свои мечты. Моя квартира была моей личной неприступной крепостью в двадцати пяти минутах езды на машине от кампуса. Кирпичные стены с индустриальным шармом — те самые, старые, шершавые и невероятно высокие потолки, уходящие в высь. Это была настоящая двухуровневая эстетика о которой только может мечтать каждый нью-йорконец: кованный черный металл антресольного этажа с кроватью и моими любимыми растениями, деревянные ступени лестницы, ведущей наверх, и, конечно же, вид на террасу, который стоил целое состояние. Но я умудрилась превратить это в филиал творческого ада.

Все здесь выглядело как картинка из Pinterest, но с моим отпечатком хаоса. В воздухе всегда висел едва уловимый аромат американо, который я заказывала через доставку DoorDash каждое утро. Кофеин — единственное, что держало меня на плаву, пока мои нервы натягивались до предела. Моя попытка освоить кофемашину закончилась тем, что пожарная сигнализация взвыла на весь дом, а ко мне вломились пожарные из ближайшего депо. Я не умела варить кофе, зато чертовски хорошо умела его пить.

Повсюду от пепельного велюрового дивана до кухонного острова из темного дерева были разбросаны эскизы. Где-то стопка портфолио для модельного агентства, где-то черновики для проекта по истории искусств, погребенные под слоем ткани, обрезков кожи и булавок. А еще был мольберт. Я его почти не использовала по назначению, но у моих друзей появилась традиция: каждый, кто заходил в гости, обязан был оставить на нем какой-нибудь «шедевр». Я выборочно перерисовывала эти каракули себе на кожу — так на моей ноге поселилось несколько странных, но дорогих сердцу татуировок.

Сейчас, в промозгом февральском воздухе, я плотнее куталась в кардиган крупной вязки, чувствуя, как холод просачивается сквозь стекло, пытаюсь унять свое раздражение.

Я обвела взглядом вид из окна. Отсюда Бруклин выглядел как декорация к фильму: мерцающие огни, далекий гул машин и бесконечный, давящий ритм города. Города, который либо принимает тебя, либо пережевывает и выплевывает. Но, черта с два ему удастся сделать это со мной. Это мой город.

Я подняла iPad. На экране вновь появилась моя улыбающаяся лучшая подруга. Картинка подтормаживала, пиксели рассыпались, создавая ощущение, что между нами не просто океан, а целая пропасть, которую я не могла преодолеть.

— Ты же понимаешь, что у вас с Ашером ничего не выйдет, верно? — Клео подперла подбородок рукой. Ее фирменная скептическая улыбка в FaceTime выглядела почти вызывающе. Она была слишком расслаблена для человека, чья лучшая подруга была на грани нервного срыва.

Я закатила глаза, лихорадочно собирая волосы в небрежный пучок первой попавшейся под руку китайской палочкой.

— Клео, милая, это знает вся планета. Даже крысы в бруклинском метро, кажется, в курсе всех событий. Похоже, профессор Харрисон — единственный человек во вселенной, кто живет в святой иллюзии, что мы с Кингсли можем сработаться.

Клео рассмеялась. Ее смех зазвучал тепло. Конечно, она ведь нежилась под гавайским солнцем, а я торчала здесь.

Я прислонилась бедром к дивану, тяжело вздыхая.

— Я была в его кабинете сегодня трижды, — простонала я, откинув голову назад. — И трижды он выдавал одно и то же. Цитирую: «Мисс Миллер, я был предельно ясен. Вы и мистер Кингсли будете участвовать в университетском радио, нравится вам это или нет. У меня нет времени искать новых ведущих. За последние три года вы двое добавили мне дюжину седых волос, так что, считайте это своим наказанием. Идите, пишите сценарий и перестаньте тратить мое время».

— И это всё? — подруга откинулась на спинку плетеного кресла, ее зеленовато-карие глаза хитро блеснули.

— Угу, — неопределенно булькнула я. — Ничего такого, просто Харрис сказал, что если я снова появлюсь в поле его зрения, то он меня на этот раз точно отчислит.

Клео прищурилась.

— Что ты натворила?

— Почему сразу я должна что-то натворить?! — ахнула я.

— Мэдисон, я тебя слишком хорошо знаю, поэтому я не куплюсь на твой спектакль. Ты терпеть не можешь День святого Валентина, а Харрисон практический адепт этого праздника. Ты точно что-то ответила.

Я поморщилась, вспоминая наш не очень продуктивный диалог. Внутри всё ещё горело пламя от того, как легко Харрис справился с моей защитой.

— Да, — пробормотала я. — Я не сказала ни слова про этот дурацкий праздник. Но я была настолько раздражена на Харриса, что сказала, если он так переживает за свои седые волосы, то ему стоило бы начать с того, что он вообще-то лысый. И указала на его блестящую макушку.

Клео разразилась таким хохотом, что мне пришлось отодвинуть iPad подальше от себя, чтобы не оглохнуть.

— Ты неисправима, Мэдс.

— Я просто внимательна к деталям, — парировала я, чувствуя, как внутри закипает привычная злость.

— Что ж, — Клео вытерла слезу и хитро сощурилась. — Если тебя вынуждают выйти на ринг с Ашером Кингсли, ты можешь хотя бы повеселиться. Нарисуй его в образе уродливого тролля. Если это поможет тебе не придушить его в прямом эфире, я даю тебе полное разрешение.

— Я вообще-то пытаюсь стать дизайнером одежды и обуви, Клэй, — я невольно улыбнулась, и напряжение в плечах немного отступило. В груди стало чуть легче от разговора с подругой.

— Тогда нарисуй его в платье и туфлях, — подмигнула она. — Размести это на сайте университета. Заставь его пожалеть, что он вообще существует.

— Я скучаю по тебе, — прошептала я.

Это было признание слабости, и я ненавидела осознавать, что моей лучшей подруги нет рядом, чтобы мы могли рвануть в кофейню на углу и перемыть всем кости. Но я держала это при себе, глубоко, где никто не увидит. Клео уехала по обмену в Гавайский университет в Маноа. Понятия не имею, чему там учится будущий дизайнер, но ей определенно лучше потягивать кокосовую воду, чем мне гнить здесь в одиночестве, в городе, где небо вечно затянуто смогом, а в воздухе пахнет только выхлопными газами.

Лицо Клео смягчилось. Она послала мне воздушный поцелуй.

— Я тоже скучаю по тебе, безумец. Но держи меня в курсе. Кто знает? Может, вы двое наконец закончите это детское шоу «давай будем рушить жизни друг друга, потому что слишком упрямы, чтобы признать, как нам хорошо вместе».

— Нам не... — начала я спорить, но эта идиотка просто ткнула пальцем в экран.

— Пока! Люблю тебя! — прошептала она и отключилась.

— Пока, — проворчала я своему отражению на темном экране iPad, ощущая, как внутри разливается странное сочетание раздражения и тоски. Тишина в лофте стала почти осязаемой.

Я буквально упала на диван, чувствуя, как мягкая обивка поглощает мои последние остатки сил. До запуска «Службы поддержки влюбленных» оставалось сорок восемь часов. Сорок восемь часов до того, как мы с Ашером Кингсли в прямом эфире опозоримся на весь университет.

А от самого «соведущего» не было ни слуху ни духу. А это он вообще-то виноват во всем. В отличие от Ашера, я была человеком ответственным: если уж ввязалась в эту авантюру, хоть и не по своей воле, то хотела, чтобы это звучало как качественный подкаст на Spotify, а не как перепалка двух енотов, дерущихся за объедки в мусорном баке у общежития. Хотя, будем честны, наш кампус проголосовал бы за второй вариант — драмы здесь любят больше, чем бесплатные пончики в дебат-клубе.

Я тяжело вздохнула, глядя в потолок. Вместо того чтобы провести вечер пятницы как нормальный человек — например, уехать в Нижний Ист-Сайд, завалиться в шумный бар, где музыка бьет по перепонкам так, что не нужно разговаривать, и найти там кого-нибудь на «одну ночь без обязательств», — я тратила свое время на Ашера Кингсли.

Перед глазами тут же всплыл этот чертов инцидент у фонтана. Взгляд упал на гору вещей, которые нужно было перестирать, и попытаться спасти мою любимую кожаную юбку. Видео того происшествия до сих пор гуляло по TikTok: я, мокрая насквозь, с размазанной тушью и прической а-ля «потерпевшая кораблекрушение крыса». Родители, когда увидели это в Reels, лишь сухо заметили, чтобы в следующий раз я надела что-то непромокаемое и попросили передать Кингсли, что скоро день рождения бабушки Авроры и чтобы мы приехали вовремя. Они даже не спросили, не заболела ли я, и не удивились, что в центре хаоса снова был Ашер.

Мне оставалось продержаться всего полтора года. Диплом, стажировка в престижном агентстве и я навсегда вычеркну этот кампус и этого придурка из своей жизни.

Я схватила iPhone, решив взять инициативу в свои руки. Большой палец завис над клавиатурой.

Мэдисон: *Где ты?*

Ответ пришел почти мгновенно, заставив меня закатить глаза так сильно, что я, кажется, впервые увидела свой гипоталамус.

Придурок: *И тебе доброй ночи, конфетка. Тебя в лесу воспитывали? В приличном обществе принято сначала здороваться.*

Я сжала телефон так, что экран протестующе хрустнул. *Конфетка.* Господи, как же я ненавижу, когда он так меня называет. Это его снисходительное, бархатное «конфетка» действовало на меня как красная тряпка на быка, заставляя кровь приливать к лицу.

Мэдисон: *Ты такой остроумный, ха-ха. Я сейчас лопну от смеха. Нам нужно составить сетку эфиров, если не хотим быть отчисленными или изгнанными из города по коллек-*

тивной жалобе студсовета. Я знаю, что твоя тупая голова и пустой рот не способны на что-то серьезное, но попробайся. Еще раз: Где. Ты?

На этот раз Ашер не ответил сразу. Прошли две минуты, пять, десять... За это время курьер привез мою пиццу с пепперони (единственный надежный парень в моей жизни). Я, проклиная всё на свете, устроилась под пледом, включила на фоне сериал «Извне» и только собиралась откусить первый кусок, как телефон завибрировал, заставив меня вздрогнуть.

Придурок: Занят. Вечер пятницы, Мэдисон. Жизнь кипит. Давай как-нибудь сама.

Мэдисон: Нет. Я не собираюсь это расхлебывать в одиночку. Ты будешь участвовать, и точка. Нам надо обсудить это лично.

Придурок: Пришли мне PDF с деталями. Я посмотрю, когда у меня появится свободная секунда.

Мэдисон: Что в слове «лично» тебе не ясно? У тебя проблемы с чтением или просто с эго, которое мешает выполнять обычные просьбы? Нам нужно составить чертов сценарий и варианты ответов!

Придурок: Слушай, у меня серьезно нет времени на твои идиотские сценарии. Завтра обсудим.

Мэдисон: Как хочешь. Завтра в семь я тогда приду к тебе в кофейню. Давно не видела Чейз и Кэма. Повод встретиться и все такое...

Придурок: Ты не посмеешь прийти ко мне на смену. Это не обсуждается. Точка.

Мэдисон: Ну и ты так же не переступишь порог моего дома. Точка. Твоя забегаловка — нейтральная территория.

Придурок: Даже если бы твоя квартира была единственной свободной недвижимостью в Нью-Йорке, я бы ни за что не переступил ее порог, расслабься. Не хочу наступать на проклятую землю, Сатана.

«Сатана». Ну конечно. В этот момент я была готова швырнуть телефон в стену, чтобы разбить его вдребезги о кирпич, но вместо этого просто написала финальный вердикт:

Мэдисон: Завтра. CoffeeTok. Семь вечера. Я предупреждала.

Я заблокировала экран и отбросила телефон на подушки. Ашер не унимался: уведомления сыпались одно за другим, телефон вибрировал, вызванивая меня, но я лишь с довольной, почти хищной улыбкой наблюдала за этой истерикой. Я не ответила ни на один вызов.

Нет ничего слаще, чем довести парня до белого каления своим безразличием.

В раунде «Кто из нас самый упрямый» сегодня однозначно победила я.

Я взяла пульт и нажала кнопку play. Экран телевизора заполнился мрачными видами городка, из которого герои никак не могли выбраться. Я хмыкнула, откусывая кусок остывшей пиццы. Иронично. Я, как и эти люди, тоже застряла. Только вместо монстров в лесу у меня был заносчивый красавчик с преступно красивым лицом, карими глазами с приспущенными веками и патологическим желанием называть меня «конфеткой».

И раз уж Ашер Кингсли решил, что пятница создана для игнорирования обязательств, то почему я обязана сидеть одна? Я схватила телефон, проигнорировала очередное уведомление от Ашера и набрала парня, с которым иногда пересекалась, когда становилось скучно. Скука — опасная штука, но сегодня она была моим лучшим союзником.

Мэдисон: Свободен? У меня есть пара бутылок вина, почти остывшая пицца и сериал.

Тео: Буду через 15 минут.

Идеально. Сет-лист эфира подождет до завтра, а мой вечер — нет. В конце концов, в Нью-Йорке полно других способов потратить энергию, кроме как на выяснение отношений с придурком.

Глава 4

Ашер

— Эй, передай мне арахисовую пасту! — я вслепую протянул руку за спину, не отрывая взгляда от своего очередного эксперимента.

Пошевелив пальцами, я надеялся, что в ладонь ляжет увесистая банка Jif. Когда рука нащупала лишь пустоту, я раздраженно обернулся и едва не столкнулся носом с макушкой Чейз. Она заглянула через мое плечо туда, где на барной стойке творился настоящий погром: мешанина из ингредиентов, гора грязных ложек, липкие следы карамели и пара использованных питчеров. Кофе, который я пытался «изобрести» последние полчаса, по консистенции больше напоминал десерт из придорожного дайнера, чем нормальный напиток для людей, помешанных на кофеине.

— Ты решил переквалифицироваться из бариста в пекаря? — иронично спросила она, оглядывая хаос.

— Это кофе, — я сунул ей под нос стакан. Запах стоял специфический, отдающий чем-то вроде тыквенного пирога из *Starbucks*. В свою защиту скажу: шот эспрессо там все-таки был.

Чейз поморщилась, отстраняясь:

— Он пахнет завтраком пятиклассника, Ашер. Зачем ты просил еще пасты?

— Этого мало. Рецепт почти доведен до идеала, нужно еще немного, — я с энтузиазмом кивнул, явно напоминая сумасшедшего, и проигнорировал ее скептический взгляд.

В этот момент появился Кэмерон. Он перегнулся через стойку и звонко поцеловал Чейз в губы.

— Я думал, что опоздал, — бросил он мне.

Я приподнял бровь:

— У нас с тобой сегодня было назначено свидание, сладкий? — усмехнулся я, размазывая пасту по стенкам чистого кофейного стакана. — Я думал, что ты встречаешься с другой.

Кэм скомкал салфетку и швырнул ею в меня.

— Судя по твоему приподнятому настроению, я все еще вовремя. — Я открыл рот, чтобы спросить, о чем он, но Кэм опустил взгляд на погром передо мной, и его глаза загорелись: — Что на этот раз ты тут готовишь? Хотя, не отвечай, это по-любому будет чертовски восхитительно. Сделаешь мне ту штуку с какао?

«Та штука с какао» — это кофе, который я делаю с какао-порошком, и по вкусу он напоминает брауни. Кэм любит не столько пить его, сколько макать в него печенье для тирамису, и называет это идеальным завтраком перед утренними лекциями.

— Не сегодня, — сказал я. — Нужно успеть закончить *это*.

Мы все опускаем глаза на стол. Чейз тяжело вздыхает. Догадываюсь, что помогать мне с уборкой она не собирается, и я не могу ее винить. Но я улыбаюсь, как последний идиот, потому что даже в этой жиге чувствую потенциал.

Когда-нибудь я открою свою кофейню, где в меню будут только мои авторские рецепты, может, даже кофе с добавлением алкоголя. А пока спасибо Шелдону, владельцу «CoffeeTok», за то, что позволяет мне «играться» за барной стойкой по выходным и угощать желающих. В меню у нас уже есть некоторые напитки, которые придумал я, но для меня этого было мало.

Я обвел взглядом зал. Мне нравилось это место: отдельно стоящее здание из красного кирпича прямо посреди кампуса — идеальная локация для бизнеса. Панорамные окна от пола до потолка, стены цвета крепкого эспрессо, тройные, прямоугольные люстры, отбрасывающие

теплый свет на деревянные столы. В дальнем углу располагалась зона с мягкими диванами и подушками, которые Чейз настояла купить для «уютной учебы». Студенты обожали это место, и, честно говоря, я тоже.

Но будь моя воля, я бы превратил «CoffeeTok» в нечто большее. В кофе-бар с элементами спорт-бара, например.

Почему, черт возьми, спортивные трансляции должны быть только в шумных пабах с запахом дешевого пива?

Представь: у тебя свидание. Девушка, с которой ты хочешь встретиться, внезапно соглашается, а у тебя именно в этот день финал баскетбольной лиги NCAA. Ты не отказывай ей сразу, выбрав матч, а просто приведи сюда.

Романтичная атмосфера, уют, планшет для просмотра игры, а если она вдруг начнет тебя донимать — в дело вступаю я. Выдаю ей такой кофейный коктейль со взбитыми сливками и топпингом, что она забывает о существовании самого матча. Все в плюсе: она пьет божественный напиток, скорее всего под кайфом от кофеина и сахара, сама спросит, какой счет и выигрывает ли твоя любимая команда, вы смотрите игру, а ночь... ночь у вас определенно обеспечена.

— Хватит мечтать, Кингсли, — проворчала Чейз, возвращая мое внимание в реальность. Она передала мне горячее молоко, как будто предугадывая мои дальнейшие действия. — Насколько я помню, Мэдисон должна прийти к тебе сегодня?

Я застонал, а Кэм усмехнулся, за что получил от меня суровый взгляд. Он определенно хотел быть в первых рядах, чтобы посмотреть, как мы выходим на ринг с Миллер и именно поэтому притащился сейчас сюда. Но у меня совсем вылетело все из головы. Эта чертова девушка — *отродье сатаны в юбке* — поставила меня перед фактом, что придет вечером. Серьезно, просто сказала, что придет ко мне на работу, и дальше стала меня игнорировать. Она прекрасно знала, до скольки я работаю и что я ни за что не пропущу выходные, чтобы потренироваться с напитками. Но видеть ее здесь я совсем не хотел. Мне хватало Мэдисон за пределами «CoffeeTok».

И словно по дьявольскому зову, колокольчик над дверью мелодично звякнул.

В кофейню впорхнула она. И... не одна. Рядом, приобнимая ее за талию, шел Тео. Член университетской команды по футболу, ходячая реклама *Abercrombie & Fitch*. Он всегда околачивался рядом с Миллер, и мне кажется, что между ними что-то было. Может, не полноценные отношения (потому что у Мэдисон на них аллергия), но спят они точно. Интересно, она тоже хлопает его по плечу и сухо благодарит, когда кончает? Хотя... сомневаюсь, что этот мудака может довести такую девушку до оргазма, она ему явно не по зубам.

Мэдисон, запрокинув голову, рассмеялась над, вероятно, откровенно тупой шуткой этого парня. Мои челюсти сжались сами собой. Светлые волосы Мэдисон с той самой вызывающей, но чертовски привлекательной черной прядью были собраны в высокий небрежный пучок. На ней было серое пальто, наброшенное поверх голубой водолазки с вырезом на груди, от которого у любого здорового парня в радиусе пяти миль должен был случиться приступ тахикардии или появиться стояк за молнией джинсов. Черные кожаные шорты открывали ноги, на одной из которых красовалась та самая странная татуировка на всю длину: вензеля, цветы, какие-то змеи, каракули и что-то похожее на код из неизвестных мне символов и цифр. Высокие сапоги выше колена завершали образ «Я поставлю тебя на колени и заставлю умолять».

Если бы эта девушка была мне незнакома, я бы бросил все, подошел к ней и одарил своей самой фирменной улыбкой с ямочками, от которых обычно теряют дар речи. Но мир устроен иначе. Вместо вежливого парня, Мэдисон получила меня.

— Ты опоздала, — бросил я резко, не обращая внимания на поздоровавшегося со всеми мистера Кена — Тео.

Мэдисон даже не моргнула. Она окинула барную стойку безразличным взглядом и ответила:

— Мы не договаривались на какое-то конкретное время.

— Ты сказала, что придешь в семь вечера, а уже почти девять.

— Да, я так сказала, но *мы* не договаривались.

— *Мы* почти закрыты. — Я схватил электрический вспениватель молока, пытаюсь занять руки, надеюсь, что не запущу им в Мэдисон.

— «Почти» — это ключевое слово, тут все еще полно народу, — парировала она с дерзкой улыбкой.

Я наконец-то посмотрел на Тео. Тот выглядел так, словно только что сошел с рекламного щита досок для серфинга. Блондин, голубые глаза, смазливая физиономия, которой определенно не хватало пары синяков, и высокое накачанное телосложение. Он, черт возьми, выглядел идеальным золотистым ретривером, рядом с которым хотят видеть своих дочерей все матери. Я фыркнул про себя, отметив, что изъян у него все-таки есть: его прическа была уложена гелем настолько идеально, что мне захотелось вылить на него свой арахисовый капучино, лишь бы смыть с его головы это недоразумение.

Кто в наше время вообще зачесывает волосы назад?

Затем взгляд сам по себе опустился на руку Тео, которая теперь лежала на плече Мэдисон. Его длинные пальцы перебирали выбившуюся темную прядь из пучка девушки. Я невольно вспомнил, как можно было бы легко и быстро сломать эти чертовы пальцы. Понятия не имею, откуда в моей голове была эта информация, но вот один из способов, которые уже складывались в яркую картину в моем сознании: достаточно резко перехватить его ладонь, зафиксировать запястье, а указательный и средний пальцы выгнуть назад, против сустава. Одно короткое движение — и хруст стал бы музыкой для моих ушей.

— Ашер? — Я моргнул и отозвался на свое имя, произнесенное Мэдисон.

Я повел плечами, будто выбрасывая образы корчащегося от боли Тео из головы.

— Миллер, я серьезно. Я устал и не хочу тратить время на тебя, когда могу доработать напиток. — Я кивнул на стакан, который все еще сжимал в руке. Удивительно, что он не треснул в моей хватке.

Она поморщилась, глядя на мой напиток:

— Это что, крысиный яд?

Я улыбнулся широко и с вызовом приподнял брови:

— Он самый. Хочешь попробовать? — Я протянул ей стакан, испытывая странное желание посмотреть, как она изменит свое отношение к напиткам, которые я готовил. Ни один из них за всю свою жизнь Мэдисон не попробовала, хотя уговаривали ее все множество раз.

Упрямыца демонстративно проигнорировала стакан и повернулась к Чейз, чтобы заказать обычный латте или хрен знает что еще она обычно там пьет, но в её руке всегда была кружка из *Starbucks* или любой другой кофейни. Кофе был как продолжение руки самой Мэдисон.

— Увидимся на вечеринке в пятницу, Мэдди, — бросил Тео и лениво чмокнул ее в щеку.

Он задержался рядом, заметив мой пристальный взгляд, и решил включить «хорошего парня» — каким, вероятно, и был, но мне было на это наплевать.

— Эй, чувак, отличный кофе, — с белозубой улыбкой протянул Тео, опираясь на стойку. — Вчера заказывал доставку на дом и теперь понимаю, почему у тебя тут такие очереди по утрам. Еще слышал, ты экспериментируешь с рецептами. Если нужна будет фокус-группа для дегустации, то обращайся, я всегда готов поддержать правильные начинания.

Я с трудом сдержал гримасу. Этот парень-кукла, казалось, искренне верил, что излучает вокруг себя ауру дружелюбия, но от его «чувак» и идеальной улыбки у меня сводило челюсти.

— Спасибо, *Келвин*, — произнес я, растягивая слова. — Ценю твое стремление к благотворительности. Но боюсь, мой кофе требует наличия вкусовых рецепторов, а не только идеального загара. Так что мы как-нибудь справимся без твоей поддержки.

Тео ничуть не смутился тому, что я назвал его чужим именем, лишь снисходительно усмехнулся, демонстрируя железобетонное спокойствие.

— Да без проблем, бро, — он похлопал меня по плечу так, будто я был его младшим братом. — Не буду отвлекать. Увидимся.

Меня передернуло от этого братского жеста.

— Надеюсь, что *не* увидимся, — пробормотал я себе под нос, а затем перевел взгляд на Мэдисон.

Она улыбнулась ему через плечо, протягивая Чейз двадцатку.

— Я позвоню тебе, — Мэдисон послала ему чертов воздушный поцелуй.

Убейте меня немедленно.

— С каких пор ты снова с Тео? — поинтересовался Кэм, когда Тео покинул кофейню.

Я затаил дыхание, делая вид, что поглощен своим напитком, и принялся взбивать молоко на скорости черепахи.

— С каких пор ты такой любопытный? — усмехнулась Миллер.

Я поставил стакан на стойку, чувствуя, как внутри нарастает напряжение, которое было куда проще игнорировать, когда Мэдисон не была в поле моего зрения.

— Просто он не похож на того, кто в твоём вкусе, — Кэм пожал плечами, принимая от Чейз тряпку и помогая своей девушке протирать стойку. — Слишком хороший.

Как по мне, Келвин-Тео был чертовски скучным, если хотите знать мое мнение.

— И ты также не похож на того, кто интересуется чужой личной жизнью, — бросила Мэдисон и, поблагодарив Чейз, отошла от нашей группы, говоря мне по дороге: — Давай заканчивай со своими вызывающими диарею экспериментами и пошли. У меня не так много времени.

Невероятно. Это ей нужен был этот чертов сценарий для радио!

— Удачи тебе в этом, — усмехнулась Чейз, указывая на удаляющуюся Миллер, которая лавировала между столиками как настоящая искусительница и улыбалась всем в этом чертовом заведении.

Какого хрена сегодня было так много парней, и почему все пялились на Мэдисон? А главное — какого черта меня это волновало?!

Я заметил еще одного парня, кажется, из команды по боксу, который наклонился и поцеловал Мэдисон в макушку, пока она трогала его бицепсы и что-то говорила с улыбкой.

— Тебе не кажется, что у этого мудака тоже прическа идиотская? — спросил я небрежно у лучшего друга.

Кэм посмотрел туда, куда я кивнул, а потом обернулся ко мне:

— Ты ревнуешь?

— Кого? Эту идиотку? — фыркнул я. — Нет.

— Ашер, ты буквально только что убивал глазами Тео. А если бы силой мысли можно было поджигать, ты бы сжег его руку, которая лежала на плече Мэдисон, — усмехнулся мой *уже* бывший лучший друг. — А теперь ты смотришь так же на Скотти.

Я закатил глаза:

— Мне просто он не нравится.

— Ага, конечно.

— Я не ревную. — Я бросил маленький электрический капучинатор в раковину, вылил пенку сверху, рисуя ею по поверхности, и, схватив стакан, вышел из-за стойки. — У него еще и имя дурацкое.

Кто называет парня, который выглядит как Халк, Скотти?

За спиной я услышал громкий смех Чейз и Кэма. Идиоты. Я не ревновал Мэдисон. Мне вообще было плевать, с кем она там спит. Просто отвратительно было знать, что у нее такой вкус на парней.

Я устроился на мягком диванчике напротив Мэдисон. Свет здесь был приглушенным, уютным, и это чертовски мешало мне сосредоточиться на том, чтобы ненавидеть Мэдисон. Она сидела напротив, скрестив ноги, светло-голубые глаза бегали по документу, который она открыла на iPad. У нее был мягкий голубоватый оттенок глаз, который зачастую обманывал незнакомцев, заставляя думать, что эта девушка — ангел. Они не были ледяными, как могли бы описать в каких-нибудь книжках. Это было летнее небо в самый теплый день, но когда она открывала рот, сгущались тучи, и я приходил в себя.

Я вздохнул, отводя взгляд от лица девушки.

— Слушай, Мэдс, — я постучал пальцем по экрану. — Давай будем реалистами. Первый же звонок в эфир будет от какого-нибудь рыдающего неудачника из кампуса, которого бросили, потому что он был скучным, как инструкция к микроволновке. И мы такие: «Добро пожаловать в нашу службу поддержки в День святого Валентина, а ты пробовал сначала познакомиться с ее киской, а потом уже переходить к ее имени?». Просто дадим пару советов как закадрить девчонку, и все на этом. Зачем нам сценарий и тем более личные встречи?

Мэдисон отложила iPad на стол между нашими кружками:

— Ты серьезно? Ашер, твой единственный опыт в ухаживаниях — это умение вовремя смыться до завтрака. Не уверена, что ты вообще успеваешь знакомиться с ее... сам понял чем.

— Ты даже не можешь произнести этого вслух, какой к черту из тебя анонимный купидон или кем мы там являемся? И, собственно, ты тоже не сильна в долгосрочных связях, — парировал я, наклоняясь ближе. Я почувствовал запах ее духов, что-то цветочное, но терпкое. — Мы дадим им базу. Как не быть тряпкой, как правильно коснуться, как сделать так, чтобы она не заснула от скуки через пять минут после начала прелюдии.

Мэдисон хмыкнула, и в ее глазах мелькнул тот самый огонек, от которого у меня перехватило дыхание.

— Знаешь, с такими советами неудивительно, что ты такой нервный и дерганый, Кингсли. Это ведь явный показатель отсутствия нормального секса в твоей жизни. Ты просто пытаешься компенсировать свою фрустрацию, раздавая советы по «мужской доблести», хотя сам явно забыл, какого это — когда кто-то касается тебя не только для того, чтобы дать по твоей самодовольной физиономии.

Я рассмеялся; ее грешный рот всегда знал, что ответить.

— О, поверь, с моей «доблестью» все в порядке. — Я понизил голос, подаваясь еще ближе, чтобы наши лица оказались опасно близко. — А вот у тебя... Ты серьезно? Притащила сегодня Тео? Мэдисон, он же выглядит как парень, которому нужна цветная карта с подсказками и GPS-навигатор, чтобы просто найти твой клитор, не говоря уже о чем-то большем.

Мэдисон на секунду замерла. Её дыхание стало чуть глубже. Я видел, как она пытается подобрать ответ, как её губы слегка приоткрылись, чтобы послать меня подальше, но в них было столько невысказанного, что я едва удержался, чтобы не коснуться их пальцем.

Какого хрена, Ашер? Коснуться ее губ?

— Он хотя бы не ведет себя как обиженный на весь мир придурок, который думает, что сарказм — это замена личности, — съязвила она, но голос у нее предательски дрогнул. — И, в отличие от тебя, он умеет слушать.

— Слушать? — я фыркнул. — Наверное, он слушает, как ты ноешь про очередные туфли, которые ты мечтаешь купить, пока смотрит в одну точку, надеясь, что ты скоро закончишь. Ты с ним только ради того, чтобы позлить меня? Ну что ж, поздравляю, это работает. Только не надейся, что я буду ревновать. Я просто жалею парня.

Мэдисон подалась вперед, нарушая все границы, и я почувствовал жар, исходящий от неё.

— Ты не ревнуешь, Ашер? Seriously? Тогда почему тебя постоянно раздражает тот факт, что я провожу время с Тео?

Я замолчал. В кофейне стало до странности тихо, даже гул кофемашины отошел на второй план. Я смотрел на нее — на эту дерзкую девчонку, которая знала меня лучше всех, и которую я хотел больше, чем готов был себе в этом признаться. Меня до сих пор задевала наша первая и единственная ночь вместе.

Я выдохнул, сбрасывая с себя возбуждение, и откинулся на спинку дивана, скрещивая руки на груди. Глаза Мэдисон откровенно скользнули по обтягивающей мои руки серой футболке с длинными рукавами. О да, определенно, влечение не было односторонним.

— Потому что я пытаюсь понять, — прошептал я, не отводя взгляда, — почему я до сих пор не вышвырнул тебя из этой кофейни. И почему вместо того, чтобы писать сценарий, я хочу перегнуть тебя через этот стол и сделать твою задорную задницу такой красной, что ты не сможешь сидеть ближайший месяц нигде.

Мэдисон усмехнулась, но в её глазах не было насмешки — только вызов:

— Ну так попробуй, Кингсли. Или ты только языком чесать умеешь?

— Ты пришла за тем, чего не смог сделать для тебя Тео? — я улыбнулся.

— Я не собираюсь обсуждать свою сексуальную жизнь с тобой, раз ты разбрасываешься только обещаниями, — ее раздражало, что я бросал ей эти «обещания» и ничего с ними не делал.

Держу пари, Мэдисон бы кончила от моих пальцев, похлопала бы меня по плечу и свалила. Она этого и добивалась, не так ли? Хотела вывести меня из себя. Вот только не в этот раз. В следующий раз, если он, конечно, будет, я буду тем, кто будет злорадствовать. Именно поэтому я сейчас заговорил о сексе. Скоро она сдастся.

— Как хочешь, Миллер, — я снова взял в руки ее iPad, делая вид, что смотрю заметки, пока Мэдисон кипела от раздражения. — Давай уже обговорим все и разойдемся. У меня свидание.

— С правой рукой? — усмехнулась Мэдисон, не унимаясь.

— С той, у которой рот создан не только для того, чтобы проклинать меня, конфетка.

Я был чертовым лжецом — у меня не было никакого свидания, но мне нравилось, что эта мысль не нравится Мэдисон.

Глава 5

Мэдисон

— Крысиный яд для моего любимого соведущего, — бархатистый, с едва уловимой хрипотцой голос Ашера раздаётся прямо над моей макушкой.

Я поднимаю глаза и натываюсь на его фирменную широкую ухмылку, которая так и просит кирпича. В нос бьёт знакомый аромат кофейных зерен. Я перевожу взгляд на его руку: Ашер держит огромный пластиковый стакан, почти доверху набитый льдом, на котором уже выступили капельки конденсата.

Демонстративно морщусь, словно передо мной не кофе, а действительно чаша с цианидом, и кончиком ноготка брезгливо отталкиваю напиток.

— Оставь себе. Тебе, вероятно, нужнее, после твоего свидания, — бормочу я.

— М-м, это что, ревность, Миллер? — Ашер продолжает топтаться около моего места.

Втайне я надеюсь, что Кингсли, как обычно, прошагает на несколько рядов выше к своей свите из хоккейной команды и они начнут громко смеяться, обсуждая вечеринки или очередную победу над «Тиграми». У Ашера в друзьях в основном хоккеисты, и я их просто на дух не переношу.

— Не дожدهшься, — фыркаю я.

Наша кожа соприкасается лишь на мгновение, когда я снова отпихиваю этот чертов стакан, явно сваренный им самим в утреннюю смену, но этого хватает, чтобы по позвоночнику пробежал разряд статического электричества. Или это просто предвестник приступа? Сердце и так колотится в бешеном ритме от избытка кофеина, который я влила в себя этим утром, надеясь, что это поможет дотянуть до десяти утра. Я почти не спала ночью, заново прокручивая в голове события прошлого вечера.

Мы почти три часа спорили о том, как должен пройти наш первый эфир. Ашеру, я уверена, абсолютно плевать на концепцию, структуру и охваты. Он не принял ни одну мою идею, раз за разом втаптывая мои наброски в грязь. Даже когда я в отчаянии предложила просто молчать, лишь бы не портить его «звездный выход», этот гуру отношений выдал:

«Ага, не дожدهшься, Миллер! Я не собираюсь тащить всё это дерьмо на своем горбу в одиночку!»

Он издевался, буквально жонглируя моими же фразами, выставляя меня занудной. А когда ему кто-то написал, то Кингсли отмахнулся: «Ладно, сама решай». И торопливо ушел на свое идиотское свидание. Почему я вообще думаю о том, с кем он спит? Пусть делает что хочет.

Снова фокусирую взгляд на его лице. Ашер делает глоток из стакана, который только что предлагал мне. Я называю это «вчерашним кофе» — ледяная жижа, которую он пафосно именует айс-латте. Я люблю кофе, но предпочитаю пить его обжигающе горячим. У меня в голове не укладывается, как можно пить его холодным, на вкус это как если бы ты забыл чашку на столе накануне вечером, а утром решил допить это несвежее недоразумение.

Ашер выдыхает так шумно и блаженно, будто в стакане гребаный эликсир вечной жизни. Показушник.

— Убери этот чертов стакан, пока я не вылила его содержимое тебе на голову, — проворчала я.

Откинувшись на неудобную спинку скамьи, я защитно скрещиваю руки на груди. Кожей чувствую его опаляющий, изучающий взгляд. А затем происходит то, чего я никак не ожидала: тяжелая, массивная туша Кингсли с грохотом приземляется на соседнее место. В лекционном

зале полно пустых мест — *можно хоть лечь в позе морской звезды* — но он почему-то выбирает мою зону личного пространства, присаживаясь почти вплотную.

— Твое место выше, среди твоих неандертальцев. Иди отсюда, — тихо бормочу я.

Вместо того чтобы уйти, он придвигается еще ближе. Плотная ткань его джинсов касается моих бедер. Я отодвигаюсь на самый край, чувствуя, как левая ягодица начинает опасно свисать со скамьи. Стоит мне качнуться обратно, как Ашер воспринимает это как приглашение и его рука по-хозяйски ложится мне на плечи, притягивая к себе.

Какого хрена? Мы что, провалились в параллельную вселенную?

— Кто нассал в твои хлопья, конфетка? — он приподнимает одну бровь, с нескрываемым наслаждением наблюдая за тем, как я дергаюсь от этого прозвища.

Обычно я — ходячий рекламный постер «Солнечного штата». Идеальная студентка, которая печет печенье для благотворительных ярмарок, улыбается профессорам и сияет так ярко, что людям вокруг нужны темные очки. Но рядом с Ашером мой внутренний свет превращается в боевой лазер, выжигающий всё в радиусе мили.

— Проблемы в раю? — не унимается он, понизив голос до интимного шепота. — Или твой идеальный квотербек снова не дотянул до тачдауна?

— Мой «рай», Ашер, был бы абсолютно идеальным, если бы в нем не было одного конкретного заносчивого придурка, который возомнил себя центром вселенной, — я закатываю глаза.

Затем, резким движением поправляю выбившуюся прядь, не забывая при этом хлестнуть его кончиками волос по лицу, и отворачиваюсь.

— Ты же знаешь, — его горячее дыхание щекочет мне ухо, вызывая странное бурление внизу живота. *Определенно несварение.* — Если бы ты действительно так считала, ты бы не пришла вчера ко мне на работу. Ты бы отказалась от идеи провести две недели в тесной радиорубке один на один со мной. Признайся, Мэдисон, тебе ведь нравится это? Нравится сама *идея* меня ненавидеть?

Он делает медленный глоток, не сводя с меня карих глаз. В них пляшут хищные искры. Мой взгляд предательски соскальзывает на его губы. Проклятье. Почему парень, которого я так старательно пытаюсь стереть из своей жизни, должен быть таким раздражающе привлекательным?

Память — злая штука. Она услужливо подсовывает картинки из старшей школы. Наш позорный, неуклюжий первый раз. Те моменты когда мы играли в «семь минут в раю» на вечеринках, и оказывались запертыми в шкафу, которые всегда заканчивались не спорами, а поцелуями. Чертова бутылочка всегда указывала именно на него. Нас буквально сталкивало лбами всё это время, и именно поэтому мы хотели бежать друг от друга как можно дальше.

Я уже и не помню, в какой момент все стало настолько плохо. Мы просто привыкли отрицать все, пока люди вокруг навязывали нам звание «пары года».

Я медленно поворачиваюсь к нему всем телом, принимая правила игры в которую он скорее всего пытается со мной играть.

— Кингсли?

— Конфетка? — Ашер расплывается в идиотской ухмылке.

Я поддаюсь вперед, замирая в опасной близости от его рта. Для пущего эффекта медленно облизываю губы, ловя момент, когда его зрачки расширяются, затапливая радужку темнотой. Моя ладонь ложится на его твердую грудь, нагло ощупывая рельеф мышц под толстовкой. Почему он не может быть... ну, дряблым? Или хотя бы обычным? Мы оба задерживаем дыхание.

Моя рука скользит ниже, под ткань его худи. Я жду, что он оттолкнет меня, съязвит, но Ашер замирает. Он наблюдает. Испытывает меня на прочность. Я веду пальцем вдоль линии ремня, чувствуя жесткую дорожку волос под пупком. Я знаю, что там дальше. Я видела его без

футболки. И без всего остального тоже. Мои пальцы смыкаются на уже нарастающей выпуклости за молнией его джинсов. Я действую на него. Это меня неожиданно радует. А не должно.

Черт.

Он определенно стал больше с нашей последней «встречи». Картинки прошлого вспыхивают в мозгу слишком ярко, заставляя меня саму едва не попросить его о продолжении. Ашер делает резкий, рваный вдох, а затем издает жалобный стон, когда я сжимаю его сильнее, на грани боли, глядя ему прямо в глаза.

— Иди к черту, — шепчу я и резко разжимаю пальцы, отпихивая его руку с плеч.

Ворча и пытаясь восстановить дыхание, он отодвигается. Слава богу, никто в аудитории не замечает мои манипуляции под столом. Я перевожу взгляд на окно, пытаюсь унять дрожь в руках. За стеклом кампус утопает в розовом — подготовка ко Дню святого Валентина в самом разгаре до сих пор. Несмотря на мороз, студенты светятся таким раздражающим счастьем, что мне хочется выйти и поджечь статую Купидона в главном дворе просто из вредности.

Тихое гудение проектора действует убаюкивающе. Большую часть лекции мы молчим. Ашер что-то пишет в своем черном блокноте, который он охраняет так, словно там записаны коды доступа к ядерным ракетам и швейцарским банкам. Кингсли таскается с ним с первого курса, с тех пор как устроился в кофейню. Раньше это были обрывки чеков и салфетки, теперь — дорогой кожаный ежедневник. Как бы мне ни хотелось заглянуть туда, я не позволяю себе опуститься до такого. Вдруг то, что я там увижу, заставит меня перестать считать его придурком? Нет, спасибо.

От скуки я начинаю рисовать на полях тетради уродливых человечков, пытаюсь игнорировать присутствие парня рядом и поглядываю на часы.

10:48

Мистер Астор пытается вдолбить нам, студентам факультета изобразительных искусств, тонкости высшей математики. Зачем? Чтобы мы могли рассчитать траекторию падения кисти?

10:49

Еще одиннадцать минут до свободы. Одиннадцать минут до того, как наши с Ашером пути разойдутся по разным концам кампуса до самого вечера.

Я краем глаза наблюдаю за тем, как он крутит в пальцах свой дурацкий карандаш. У Кингсли есть эта раздражающая привычка — он никогда не сидит спокойно. Его колено подергивается, едва касаясь моей ноги, и этот ритм сбивает меня с толку.

Интересно, о чем он пишет все таки пишет? Глядя на его сосредоточенный профиль, трудно поверить, что вчера этот человек довел меня до белого каления, высмеивая мой плейлист для эфира. Он кажется таким... милым сейчас. Прямая спина, длинные пальцы сжимают карандаш. Я помню эти пальцы на своем теле, и от этого воспоминания я покрываюсь чертовыми мурашками.

Невольно ощущаю, что он пахнет кофе и чем-то мускусным, чисто «мужским». Мне нравится. Это бесит больше всего. В Ашере Кингсли не должно нравиться ничего. Он должен быть картонным персонажем из фильма про колледж: спорт, вечеринки, пустая голова. Но этот его блокнот и взгляд, в котором иногда проскальзывает что-то пугающе серьезное, рушат мою теорию.

Я перевожу взгляд на его шею, где над воротником худи видна небольшая родинка. Я знаю её на вкус.

Боже, Мэдисон, соберись. Ты его ненавидишь.

Он вдруг замирает и слегка поворачивает голову в мою сторону, будто почувствовал мой взгляд. Я мгновенно утыкаюсь в свою тетрадь. Пульс предательски ускоряется и я боюсь, что он его услышит. Я чувствую, как Ашер усмехается — я не вижу этого, но буквально кожей ощущаю его самодовольную ауру. Он знает, что я о нем думаю? Черт, надеюсь, что нет.

10:52

Я пытаюсь сосредоточиться на лекции, но в голове крутится только вчерашний спор. Он сидел напротив меня, засучив рукава своей футболки, и его предплечья... черт, почему я вообще об этом думаю?

Господи, уйди из моей головы, Кингсли.

10:55

Поверить не могу, что прошло всего три минуты. Время на этих лекциях всегда тянется чертовски долго. Терпеть не могу математику.

— Мисс Миллер, — голос профессора Астора нарушает тишину.

Я вскидываю голову, слишком поздно отрываясь от созерцания секундной стрелки. Проклятье, он поймал мой взгляд.

— Раз уж вы так внимательно изучаете устройство настенных часов, возможно, вы просветите нас: как мы найдем градиент функции, указанной на доске?

Я смотрю на экран, и символы начинают плыть. Там красуется странное выражение: « e » в степени « x », умноженное на синус « z », и всё это приправлено натуральным логарифмом. Мой мозг, обычно четко работающий над эскизами и композицией, сейчас просто выдает «ошибку доступа». Это издевательство. Зачем дизайнеру знать, как гнется эта чертова кривая в трехмерном пространстве?

— Прошу, напомните аудитории, как ведет себя частная производная по « x », когда остальные переменные рассматриваются как константы? — профессор выжидающе приподнимает бровь.

Я сжимаю губы так сильно, что они белеют. Паника нарастает где-то в ребрах. Все лекции по этому предмету мне обычно «переводит» на человеческий Тео, но сегодня его место пусто, и я чувствую себя безбилетником на тонущем лайнере. Что делать с этой несчастной «ешкой»? Я вглядываюсь в доску, надеясь на озарение, но вижу лишь бессмысленные закорючки.

— Вообще-то, достаточно помнить, что при дифференцировании по « x » всё остальное — это просто мусор. Обычные числа, — доносится ленивый, вызывающе спокойный голос справа.

Я удивленно кошусь на Ашера, и мое раздражение мгновенно превращается в чистую, концентрированную ярость. Он специально ответил за меня. Не потому что он такой добрый самаритянин, а чтобы подчеркнуть свое превосходство. Кретин. Он откидывается на спинку, небрежно вращая в пальцах карандаш.

— Мы используем правило цепочки, — продолжает он, смотря мне прямо в глаза, и я готова поклясться, что слышу в его голосе насмешку. — Экспонента остается неизменной, мы просто выносим «игрек» вперед как коэффициент. В итоге получаем «игрек» на « e » в той же степени, синус не трогаем, и добавляем дробь от логарифма. Элементарно, если не пытаться усложнять.

Это я усложняю? По его тону, складывается ощущение, что последняя фраза была сказана вовсе не по теме лекции.

Но... Я удивленно хлопаю глазами. Кингсли? Seriously? Этот парень, чей предел мечтаний, это не перепутать зерна для эспresso и вовремя прийти на смену, только что выдал базу многомерного анализа? Меня бесит, что он знает это. Меня бесит, что он делает это так легко. Но больше всего меня бесит, что он выглядит при этом чертовски привлекательным. Мне всегда нравились парни, которые не просто имеют симпатичную голову, но и мозги в ней.

— Верно, Ашер, — профессор удовлетворенно кивает и отводит от меня глаза. Ладно, хоть что-то положительное во вмешательстве Ашера есть. — Каждый раз, смотря на устрашающее уравнение, вы должны в первую очередь изолировать детали. В высшей математике, как и в жизни, важно уметь отсекай лишнее, чтобы увидеть структуру.

Кингсли подмигивает мне. Этот короткий жест ощущается как пощечина. В нем столько торжествующего самодовольства, что мне хочется запустить в него чем-нибудь тяжелым. Черт

возьми, теперь он будет до конца семестра напоминать мне об этом моменте. Я уже вижу его самодовольную физиономию в радиорубке.

10:58

Я вновь стреляю глазами в сторону часов. Еще две минуты этой пытки. Профессор уже увлеченно исписывает доску следующей задачей — двойными интегралами, которые кажутся мне какими-то змеиными хвостами, пытающимися задушить мои последние остатки здравого смысла.

— Теперь, когда мы нашли градиент, перейдем к вычислению объема под поверхностью, — объясняет Астор. — Если область позволяет, мы можем изменить декартовы координаты на полярные. Смотрите, вместо привычных «икс» и «игрек» у нас появляются радиус и угол «тета».

Он рисует на доске схему, похожую на кусок пиццы. Вместо того, чтобы вникать, я вдруг осознаю, что забыла позавтракать. Черт, теперь я хочу пепперони. С двойным сыром.

— Видите, как меняются границы?

Нет.

— Радиус бежит от нуля до двух, а угол описывает дугу. Обратите внимание, что результат останется неизменным, как бы вы ни вертели эти оси в пространстве. Всем всё ясно, ребята?

Аудитория дружно выдыхает «Да, сэр», напоминая строй военных на параде. Знал бы Астор, что в моей голове сейчас обезьяна бьет в медные тарелки. Здорово, что он всё объяснил, плохо, что для меня это звучит как заклинание для вызова демона.

Меня трясет от того, что я не смогла ответить на этот вопрос, а парень, которого я презираю, внезапно оказался гением математики. Боже, я готова согласиться на что угодно, только бы больше не видеть эти проклятые интегралы и снисходительный блеск в глазах Ашера.

11:00

Лекция окончена. Спасибо, господа. Я вскакиваю с места, а Ашер бормочет:

— Один-один, Миллер.

— Пошел ты, — прошипела я.

— Это приглашение? — ухмыльнулся идиот. — Если да, то мы могли бы пропустить эфир и заняться вычислением точек «G» на твоём теле. Я чертовски хорош в математических задачах.

Я демонстративно показываю ему средний палец, все еще взбешенная тем, что он меня обошел.

Ашер хватается за блокнот, смеясь над тем, как я вспыхиваю, а я пулей вылетаю из кабинета.

Я не переживу этот тупой эфир с Кингсли.

Глава 6

Ашер

Самая идиотская привычка, которую я когда-либо встречал в жизни, была у моей младшей сестры. Стелла звонила мне стабильно раз в неделю по FaceTime, но вместо того чтобы выдать порцию нормальной человеческой речи, она просто оставляла камеру включенной, превращая меня в невольного свидетеля хаоса своей жизни. Она мельтешила, жестикулировала и болтала с кем угодно — с курьерами, девчонками из своего общежития или с соседом-серфером, явно не обремененным интеллектом, — но только не со мной.

Я прислонился спиной к кирпичной стене коридора университетского корпуса и в очередной раз прочистил горло, пытаясь привлечь внимание Стеллы. Бесполезно.

Бросил взгляд на открытую дубовую дверь аудитории истории искусств. Мэдисон должна была выйти оттуда еще десять минут назад. Но вместо этого я наблюдал, как она увлеченно что-то рассказывала профессору Долорес, даже не удосужившись кинуть взгляд в сторону выхода. Она знала, что я жду. И, судя по тому, как она устраивалась поудобнее, пристроив свой зад на край преподавательского стола, делала это специально, чтобы выбесить меня.

Что, черт возьми, не так с женщинами в моей жизни? Они словно сговорились испытывать мою терпимость на прочность, пока у меня не лопнут все нервные окончания.

Я снова перевел взгляд на экран телефона. Комната Стеллы, оформленная в модных «инстаграмных» серых тонах, сейчас выглядела так, будто внутри взорвалась радужная бомба. Худи разных цветов, разнообразные топы, джинсы и кроссовки были разбросаны повсюду — казалось, кто-то ворвался внутрь, вывернул гардеробную наизнанку и оставил все как есть. Мама называла это «свинарником, в котором скоро заведутся крысы», Стелла же упрямо твердила про «творческий беспорядок».

Ирония была в том, что эта девчонка с творчеством была на «вы». Она даже стрелки на глазах не могла нарисовать ровно, поэтому принципиально забила на косметику.

У Стеллы обе руки были левыми, причем правая, казалось, была еще более левой, чем левая. Если бы ее попросили забить элементарный гвоздь, пострадало бы все: гвоздь, стена, три соседних пальца, люстра в гостиной и, вероятно, репутация строительной индустрии всей страны в целом. В этом она была пугающе похожа больше на Марка, чем на меня. Если бы эти двое решили объединить усилия, они бы спалили половину штата, просто пытаясь совместно прикурить сигарету.

— Стелла, — я прикрыл глаза, ощущая, как начинает дергаться нерв над бровью. — Алло. Ты меня слышишь?

Сестра почти прошла мимо телефона, но вдруг замерла, сделав шаг назад. Она уставилась в камеру с таким видом, будто я был призраком, явившимся прямо с того света на ее комод. Ее серые глаза, доставшиеся ей от нашего отца, распахнулись в удивлении.

— О... Ашер? — она выгнула бровь. — Ты все еще здесь?

— Нет, Стелла, я умер три года назад, а это твоя галлюцинация, вызванная дефицитом интеллекта, — вздохнул я.

В этот момент Мэдисон наконец отошла от стола профессора, наклонилась, чтобы подобрать упавшую ручку, и... *твою мать*. Эта девушка знала, как использовать свои данные как легальное оружие. Она медленно, но не до конца выпрямилась, опираясь локтями на стол и устремив свою аппетитную задницу в обтягивающих джинсах прямо в сторону выхода, где

стоял я. Внезапно, мне захотелось, чтобы рядом с ней оказался причесанный Тео и прикрыл мне обзор.

Я снова переключил внимание на экран, пытаясь сбить пульс.

— Ты пять минут рассказывала какому-то чуваку за кадром про то, как круто полетала на параплане над Фундао. Ты же обещала маме, что с этим дерьмом покончено.

Стелла была помешана на адреналине. Родители пребывали в блаженном неведении, думая, что она в Рио по своей программе изучает архивное право в федеральном университете, а не занимает дополнительные жизни у Бога, ввязываясь в каждую экстремальную авантюру. Им надо было отправить ее к Марку в Колорадо, чтобы он присматривал за этой сумасшедшей, как когда-то за ним, но нет, предки оплатили ей семестр в Бразилии, где океан и скалы буквально на каждом шагу.

— Ой, да ладно тебе, Аш, — она беззаботно отмахнулась, и на заднем плане с грохотом рухнула сушилка для белья. — Ты же все равно ничего интересного не делаешь.

— Я на учебе, Стелла. Ты позвонила с криками «срочно», а в итоге я смотрю на твою неубранную кровать и слушаю бред про высотные полеты.

Она закатила глаза.

— Ты такой чертовски ворчливый, Ашер. Ты испортил свой утренний кофе?

На этот раз была моя очередь закатывать глаза. Эта идиотка прекрасно знала, кто был источником моего паршивого настроения. А вдвойне бесило то, что Стелла, которую я любил больше жизни, была подругой Мэдди. Вся моя семья была в курсе моей жизни именно благодаря Стелле, которая получала информацию напрямую от Миллер. Весь наш круг чертовски любил посплетничать.

— Ближе к делу, — проворчал я.

— Мне нужно письменное разрешение от родственника, чтобы прыгнуть с парашютом. Организаторы требуют подпись «ответственного лица».

Я так резко выпрямился, что едва не впечатался затылком в стену, и уставился на Стеллу. Прыжок с парашютом — это уже слишком. Стелла, конечно, сорвиголова, но даже для нее это перебор.

Она сплавлялась на рафтах, каяках, занималась серфингом и дайвингом. А еще знаете, что сделала эта сумасшедшая? Пока все нормальные студенты на зимних каникулах в Рио потягивали кайпиринью на Ипанеме, моей сестре жизненно необходимо было поцеловать небо с вершины Педра-да-Гавеа. Я видел фотки, которые она выложила в приватный аккаунт: Стелла стоит на самом краю этого гигантского каменного выступа и смотрит вниз на облака. Знаете, как она подписала это в Instagram? «*Просто утренняя прогулка*». Да она вскарабкалась по отвесной стене, от которой у любого инструктора из лагеря бойскаутов волосы поседеют. Но, черт возьми, если кто и мог приручить эту гору, так это она. Стелла никогда не искала легких путей — она всегда предпочитала брать самые высокие вершины напролом. Но скайдайвинг?!

— Нет, — отрезал я.

— А-аше-ер, — заныла Стелла. — Родители ни за что не подпишут, а я уже внесла депозит.

— Верни депозит.

— Ашер! — на том конце провода послышался глухой стук. Она топнула ногой. Как пятилетний ребенок, который явно *не* должен прыгать с самолета.

— Стелла, нет. Это мое окончательное решение.

— Тогда я прыгну нелегально, с какими-нибудь чуваками без лицензии FAA! И если я разобьюсь, на тебя повесят все мои долги по кредиткам и страховку за колледж!

— У тебя нет долгов, твой трастовый фонд покрывает все, включая твои дурацкие экспедиции.

— Это формальность!

Я потер переносицу. Мельком глянув в коридор, я обнаружил, что пространство, где секунду назад стояла Мэдисон, теперь пусто. *Чертовы женищины*. Ладно, проблемы нужно решать по мере поступления. Сначала спасти сестру от суицидального прыжка, потом найти Мэдисон и попытаться не совершить убийство самому.

— Стелла, ты просишь меня подписать документ, который юридически подтвердит, что я соучастник твоего самоубийства. Займись чем-нибудь нормальным! Чем там вообще занимаются нормальные девятнадцатилетние девушки?

— Трахаются с капитанами университетских команд и называют себя «зайками», — выдала она без тени смущения.

Я на секунду замолчал, шагая в сторону восточного крыла. Парашют внезапно показался мне довольно разумной альтернативой.

— Стелла, будь серьезной хоть раз в жизни.

Она усмехнулась:

— Серьезность — это твоя роль, братишка. А я — та самая веселая половина семьи, которая не дает нам всем окончательно засохнуть от скуки. Подпиши, Аш. Пожалуйста.

Я снова тяжело вздохнул. Я уже подписал кучу вейверов и разрешений для сестры, и каждый раз клялся, что это в последний раз. Но все предыдущие ее выходы казались детским садом по сравнению с чертовым прыжком с километровой высоты. С другой стороны, если я откажу, эта мелкая заноза действительно найдет подпольных экстремалов.

— Скинь мне контакты компании, которая занимается всем этим дерьмом, и я подумаю, — наконец сдался я.

Я затормозил перед плотной дверью радиорубки, толкнул ее и замер. Внутри, в комнате без окон и с темными, звонепроницаемыми стенами, вальяжно откинувшись на громозком кресле, сидела Мэдисон. Она выглядела как Королева преисподней, окутанная мрачным красным светом исходящим от неоновых ламп. И она уже вела НАШ СОВМЕСТНЫЙ ЭФИР.

Я ее убью.

Стелла завершала в трубку так громко, что мне пришлось отдернуть телефон подальше от лица. Ее визг привлек внимание Мэдисон. Сообразив, что я ее нашел, Миллер поспешно наклонилась к микрофону:

— Мы уходим на музыкальную паузу, а пока вы можете оставлять свои заявки! Мы перезвоним вам в течение пятнадцати минут! Всем любви!

— Спасибо, Ашер! Люблю тебя! — Стелла послала воздушный поцелуй в камеру телефона.

— Я еще не сказал «да».

— Но и не сказал «нет».

— Пришли мне документы, — я швырнул рюкзак на диванчик, прямо рядом с сумочкой Мэдисон. — Пока.

— Передавай привет Мэдди, скажи, что я скучаю!

Я сбросил вызов.

Два широких шага и я сократил дистанцию между нами до минимума. Резким движением крутанул кресло Мэдисон к себе так, что она едва не вылетела из него, и с грохотом ударил ладонями по столешнице. Мои руки намертво заблокировали ей путь к отступлению, превращая пространство вокруг нее в персональную клетку. Я навис над ней, чувствуя, как пульс бешено колотится в висках.

— Какого черта, Миллер? — мой голос упал до опасного, рокочущего рычания. Я тяжело дышал, глядя в эти глаза — нежно-голубые, полные вызова, которые я ненавидел и те, что одновременно сводили меня с ума.

Она даже не вздрогнула. Медленно выгнула бровь и в этом жесте было столько чистой, концентрированной дерзости нью-йоркской стервы, что я каждый раз удивлялся: как в ее

миниатюрном теле все это помещается. Намеренно и издевательски медленно Мэдисон прикусила нижнюю губу, и на ее лице заиграла улыбка.

— Ты опоздал, Кингсли, профессор Харрис будет тобой недоволен, — бросила она, небрежно поправляя выбившуюся черную прядь из светлых волос.

— Ты прекрасно видела, что я стоял у аудитории, Мэдисон. Не строй из себя святую невинность, будто ты перевелась из Университета Бригама Янга.

— М-м-м, — протянула Миллер так томно, что у меня свело скулы. — Не думаю, что я вообще тебя заметила. Ты был просто частью интерьера, не более.

Я подался вперед, еще больше сокращая расстояние. Это было частью какой-то негласной игры, в которую мы с Миллер играли. Я изводил ее, она — меня. Даже сегодня на лекции, которую Мэдди терпеть не могла, эта девушка вытворяла такое под столом, что у меня до сих пор перед глазами были вспышки. Но мне, в отличие от Мэдисон, сейчас хватило порядочности не запустить руку ей в джинсы, хотя каждый нерв в моем теле вопил об обратном.

— Тогда для кого ты устроила это хреново-порнографическое шоу с упавшей ручкой? — прошептал я в дюйме от ее губ.

Я увидел, как ее голубые глаза блеснули, но она тут же скрыла это за маской полного безразличия. Дыхание Мэдисон сбилось.

— Понятия не имею, о чем ты, — выдохнула она, но голос предательски дрогнул.

Я не выдержал. Игнорируя ее приоткрывшиеся губы, провел кончиком носа по ее виску, вдыхая запах. От Мэдисон веяло дорогой косметикой и той нежностью, что свойственна всем девчонкам, но на ней этот аромат превращался в нечто опасное. Смесь ванили, сандала и чего-то едва уловимого, похожего на нагретую солнцем кожу. Она пахла летней жарой, несмотря на морозный воздух за окном.

Черт возьми, я не должен был этого замечать. Этот запах казался слишком уютным для самоуверенной стервы, которая постоянно выводила меня из себя.

Она пахла как ловушка.

А затем, окончательно перейдя грань, я нагло прикусил мочку ее уха, задев кончиком языка серебряную сережку-гвоздик в хрящике. Миллер вздрогнула, и ее пальцы, лежащие на коленях, сжались в кулаки.

— Ты знала, что делала, — прошептал я, обжигая дыханием ее шею. — Ты хотела бы оказаться в таком положении, правда? Я бы встал позади тебя, чувствуя, как ты сжимаешься вокруг меня, как ты дрожишь, пока я вбиваюсь в тебя до самого конца. Я бы склонил тебя над тем столом профессора Долорес, твоя грудь горела бы от трения о холодное дерево, а мои пальцы впивались бы в твои бедра так сильно, что на них остались бы синяки. Ты представила это, конфетка?

Она сглотнула. Тишину в комнате нарушало только наше общее, прерывистое дыхание и тихий гул системных блоков. Мэдисон была зажата между столом и моим телом, лишенная возможности сбежать. На секунду мне показалось, что она подается вперед и примет правила игры. Но Мэдди была слишком упрямой, чтобы сдаться так просто. Собрав остатки гордости, она с силой уперлась ладонями в мою грудь и оттолкнула меня.

— Прибереги свои дешевые фантазии для одиноких вечеров в душе, придурок, — выпалила она, хотя ее голос сорвался на хрип.

Я отошел, усмехаясь. Направился к своему месту, наслаждаясь тем, как Мэдисон начала нервно убирать со стола блокноты. Она снова надела массивные наушники, сердито шелкая какими-то тумблерами на панели.

Я крутанулся в кресле, оглядывая помещение. Радиорубка кампуса напоминала логово сумасшедшего мрачного диджея, решившего, что красно-неоновых лампочек много не бывает. Массивный стол был спроектирован так, чтобы мы сидели ровно друг напротив друга — отлич-

ная возможность для Мэдисон сверлить меня взглядом, пока в эфире играет очередной хит из топ-чарта.

На столе красовались два профессиональных микрофона на гибких пантографах. Перед каждым из нас лежал микшерный пульт, заваленный фейдерами, крутилками и кнопками с подсветкой. Настоящий центр управления полетами НАСА, где я понятия не имел, для чего нужна добрая половина ползунков. Один ряд индикаторов светился ядовито-зеленым, другой — тревожно-красным, и все это безумие нервно дергалось в такт музыке. Справа и слева торчали мониторы с кучей открытых окон, графиков и бегущих строк.

Чтобы войти в систему управления эфиром, я ввел логин и пароль, выданные нам с Миллер президентом студенческого совета, той самой девичьей, что была у фонтана с мистером Харрисом. На экране развернулся интерфейс программы с недвусмысленным названием «CupidCast: Love & Campus». Окно было залито таким приторно-розовым цветом, что меня едва не стошнило. По бокам мигали цифровые сердечки, пульсирующие в такт битам.

Центральную часть занимал «Live Feed» — бесконечная лента входящих сообщений от студентов нашего университета. Они сыпались со скоростью света:

[Anonim_204]: «Джесси, я видел, как ты смотрела на Картера в библиотеке! Картер, чувак, пригласи ее уже на свидание!»

Кто такая, черт возьми, Джесси? И кто этот хренов Картер?

[FratBoy_66]: «Как мне пригласить девчонку из группы поддержки, если я на вечеринках теряю дар речи и обливаюсь потом?»

Никак, парень.

[Vinni_Sad]: «ХЭЛП! День святого Валентина через два дня, а у меня нет ни брони в ресторане, ни даже идей, что подарить своей девушке! Она меня бросит!»

Я открыл личные сообщения с данным пользователем, проверяя, что у Миллер доступа к этой переписке нет и написал:

[AsherCupid_69]: «Ты всегда можешь подарить ей секс, чувак. Нырни ей под юбку, поздоровайся с ее подружкой. Все просто.»

Закрыв диалог, я с сомнением потыкал курсором в иконки. Интерфейс был безбожно перегружен: кнопки «Сброс», «В эфир», «Очередь треков» и странный индикатор «Love Meter», который сейчас бешено прыгал в красную зону, словно у всех в кампусе случился массовый приступ неразделенной любви. Я сощурился, пытаюсь понять, как работает эта машина. Видимо, нам предстояло не просто болтать, а фильтровать поток чужого безумия, выбирая самые сочные истории для прямого эфира.

Мэдди сидела напротив, уткнувшись в свой экран с таким видом, будто вычисляла траекторию полета ракеты. Усмехнувшись ее сосредоточенному лицу, я отодвинул в сторону какую-то кипу бумаг и наклонился к микрофону, который, к счастью, пока был отключен.

— Эй, — прошептал я, пытаюсь вновь завладеть вниманием Мэдисон. — Ты уверена, что за ближайшие три часа мы не разрушим чью-то личную жизнь? Потому что я ни черта не понимаю в этих тумблерах. Боюсь, задену не тот рычаг, и мы либо устроим ядерный взрыв, либо пустим в эфир шоу для домохозяек из Алабамы.

— А я тебе говорила, что нам нужно было потренироваться, — проворчала она, даже не глядя на меня.

Я кликнул на первое попавшееся сообщение в ленте с пометкой «Priority: Critical».

— Похоже, у нас первый клиент, — ухмыльнулся я, чувствуя, как в кровь ударил адреналин вперемишку с азартом. — Ну что, конфетка, добро пожаловать в кроличью нору.

Я щелкнул главный тумблер на пульте. На мониторе поползла зеленая шкала звуковой волны.

Мы в эфире.

— Всем привет, Бэкман! — объявил я в микрофон под раздраженное закатывание глаз Мэдди. — Погода за бортом прозрачно намекает, что в эти морозные выходные лучше найти какое-нибудь горячее тело в баре у кампуса, взять пару шотов и прижаться к нему поплотнее! С вами у микрофона ваш любимый Ашер Кингсли и моя очаровательная, хоть и хмурая соведущая Мэдисон Миллер. И у нас на линии первый звонок через наше приложение! Даллас Армандо, привет, крошка! Расскажи всему Бруклину, почему ты сейчас висишь на линии «Службы поддержки влюбленных», вместо того чтобы свайпать красавчиков в Tinder?

В эфире повисло недолгое молчание. Мэдисон быстро защелкала кнопками на микшере, выравнивая частоты и убирая фоновые помехи. Я уже набрал в легкие воздуха, чтобы выдать очередную шутку в стиле типичного ведущего вечерних шоу, но звонившая девушка шмыгнула носом и прочистила горло.

— Мы... были вместе три года... со старшей школы... до сегодняшнего дня... — прохрипел заплаканный женский голос в наших наушниках.

— Ох, черт, — едва слышно прошептала Мэдди, убирая палец с кнопки сброса.

Весь мой настрой на веселое комедийное шоу мигом испарился. Мы с Мэдди синхронно скинули глаза друг на друга, мгновенно становясь серьезными. День определенно заигрывал со мной сомнительными шутками: сначала Стелла со своим желанием убиться, потом Мэдисон, начавшая эфир без меня — за что я в любом случае получу выговор от Харриса, — а теперь еще и эта заплаканная девица, которой, судя по всему, срочно требовался сеанс жесткой психотерапии в прямом эфире.

Я понятия не имел, как вырывать из этой драмы. И судя по озадаченному выражению лица Мэдди, она тоже была в полном тупике.

О да, мы оба чертовски хорошо знали, как устроить скандал, затеять драку или поднять градус во всем Нью-Йорке до температуры ада. Но любовь? Разговоры по душам? Коучинг по отношениям? Это было абсолютно, черт возьми, не про нас.

Глава 7

Ашер

Даллас заливалась слезами перед сотней зрителей, а я поймал себя на том, что мой словарный запас поддержки деградировал до уровня пещерного человека. В голове стояла оглушительная тишина — ни одной утешительной мысли, только чертова паника, скребущаяся где-то под ребрами, в районе солнечного сплетения. Мэдисон могла бы прочитать мне лекцию о том, какой я мудака, и, положив руку на сердце, в любой другой день, я бы не стал спорить.

Но женские слезы? Черт. Они всегда действовали на меня как сигнал тревоги. Внутри все сжималось, переходя в режим «бей или беги». Сразу хотелось либо кому-нибудь врезать, либо что-нибудь сломать, либо извиниться перед всеми женщинами мира разом, даже если я вообще ни при чем.

Мысль о том, что можно просто взять и вычеркнуть три года отношений, отказывалась помещаться в моей голове. Это же не подписка на стриминговый сервис: нельзя нажать кнопку «Отменить» и спокойно жить дальше.

Три года — это тысячи сообщений, сотни совместных фотографий, привычки, воспоминания, тупые внутренние шутки, которые никто, кроме вас, не понимает. После такого люди становятся частью друг друга. Как кофе и хроническое недосыпание. Как студенты и долги.

Как Мэдисон и желание испортить мне жизнь.

Ладно, последнее было слишком драматичным. Но, надеюсь, мысль понятна. Да и какой из меня советчик? Мои самые долгие отношения длились целых две недели. Последняя девушка, с которой я пытался строить что-то серьезное, выставила меня за дверь с окончательным диагнозом: «Ты влюблен в Мэдисон Миллер».

Полнейший, сюрреалистичный бред. Я никогда не мог объяснить, что с Миллер нас связывает лишь общая история и дружба наших родителей, превратившаяся в пожизненный контракт «терпеть любой ценой». Да, я не мог промолчать, когда на горизонте появлялась Мэдди с очередным «парнем на неделю». Мне всегда нужно было уколоть ее, выпустить яд, чтобы доказать самому себе: мне на нее плевать. Но значило ли это, что я в нее влюблен? Черт возьми, нет.

Я тряхнул головой, отгоняя лишние мысли, и сосредоточился на нашей главной проблеме — рыдающей в три ручья Даллас. Я бросил на Мэдисон взгляд, который, по моей задумке, должен был транслировать: «Эй, конфетка, если мы сейчас не выдадим хоть какой-то осмысленный поток слов, нам обоим крышка».

Но Мэдди даже не соизволила поднять на меня свои стервозные, подведенные идеальными стрелками глаза. Ее пальцы летали по планшету с такой скоростью, что казалось, экран вот-вот задымится. У нее всегда был чертов план, который, к сожалению, всегда работал.

Наконец она отложила устройство и, нервно покусывая нижнюю губу, начала постукивать пальцами по пульту управления. В горле чесалось от желания выдать что-то пошлое, прокомментировать, как чертовски сексуально она прикусывает губу, но я заставил себя молчать. Как бы сильно я ни хотел ее вывести из себя, видеть, как она пытается подобрать слова для нашей слушательницы, было... странно. В глубине ее ледяных глаз промелькнуло что-то пугающе теплое. И этот проблеск мягкости сбил меня с толку сильнее, чем любые слезы Даллас.

— Даллас, детка, выдохни, — начала Мэдди, смотря куда-то мимо меня. Она подалась вперед, удобно устраиваясь в кресле. — Три года? Это же огромный срок. Дай угадаю: он решил, что «вырос из этих отношений», как раз когда на горизонте замаячила какая-нибудь идиотка с идеальной задницей и нулевым процентом мозгов?

— Я не знаю... но он не пришел на наш ужин, вчера была наша годовщина, — всхлинула Даллас, громко шмыгая носом. — А сегодня он прислал сообщение, что ему нужно «пространство». У него в сторис сейчас фото из бара, где он с какой-то девушкой!

Мэдди нахмурилась, ее брови сошлись на переносице.

— Ты уверена, что это была... не просто подруга?

Я не выдержал и закатил глаза так сильно, что на секунду увидел собственный мозг, и, не дожидаясь очереди, с грохотом нажал на кнопку микрофона:

— Даллас, послушай меня, — перебил я, не обращая внимания на возмущенный вздох Мэдди. — «Пространство» — это код для «я трусливый идиот, который не нашел слов для нормального разрыва». Слушай мой совет: иди в ближайший цветочный магазин, купи себе огромный букет, который займет целый континент, сделай селфи с подписью вроде «Подарки от того, кто умеет ценить», и выложи в сторис с геолокацией какого-нибудь шикарного ресторана. Мечь — самое лучшее средство от разбитого сердца.

Мэддисон округлила глаза.

— Что?! Это худший совет в истории человечества!

— Нет, худшим советом от тебя для Стеллы был фильм «Ешь, молись, люби», — выпалил я.

— Даллас, не слушай этого кретина. Это не мечь. Ты будешь выглядеть как человек, который отчаянно пытается показать, что ему все равно, хотя это не так.

— Потому что мужчины, конечно же, прекрасно понимают намеки, — фыркнул я. — Да они инструкции к микроволновке понять не могут.

— А твой план заставит ее выглядеть жалкой!

— Нет. Мой план заставит его нервничать и ревновать, — парировал я. — Держу пари, он считает, что малышка Армандо никто без него не денется. А тут «бац!» — не успел он с ней расстаться, как она уже сидит в ресторане, а не рыдает над мороженым, выкладывая в инстаграм: «Брошена в день святого Валентина, пожалейте меня!».

— Твой план заставит его сделать скриншот и отправить друзьям, чтобы высмеять!

— Отлично. Тогда еще и все друзья увидят шикарный букет, — я рассмеялся, откинувшись на спинку стула и сложив руки на груди. — Но давай, Даллас, выбери путь монахини. Будешь сидеть дома в пижаме, поедать мороженое и ждать, пока «тот самый» сам не явится на твой порог. Очевидно, что он только и ждет, когда набредет на твою квартиру, — ядовито процедил я. — Мэдди, ты когда-нибудь вообще пробовала кого-то вернуть?

— Мы *не* пытаемся его вернуть!

— Даллас, мы пытаемся его вернуть?

— Не знаю, — прохрипела девушка растерянно.

Я выдохнул от раздражения. Чертовы женщины.

— Хочет она его вернуть или нет, но твой метод — это кратчайший путь в «клуб одиноких неудачников», Миллер.

— А твой метод — это прямой путь к званию «самой токсичной девушки кампуса»! — парировала Мэдди, почти переходя на крик. Она вскочила, и ее стул с визгом отъехал назад.

— Звание «самой токсичной девушки кампуса» уже занято тобой, дорогая, — я небрежно указал пальцем на нее, смакуя каждую ее эмоцию. — Никто тебя не переплюнет. Ты же королева драмы.

Мэдди ахнула, схватившись за край стола так, будто хотела перевернуть его на меня. Ее ноздри опасно раздулись, а в глазах полыхнул настоящий пожар, который, к сожалению, действовал на мой член. Придурок за молнией джинсов не понимал, что это не флирт.

— Королева драмы? — прошипела Мэддисон, наклонившись так низко, что я почувствовал запах ее духов. И это тоже действовало на меня. Твою мать. — Да ты сам живешь в бесконечном реалити-шоу, где единственный зритель — твое раздутое эго. — Она вытянула руку и

ткнула пальцем мне в лицо. — Ты раздаешь советы, как мастер спорта по манипуляциям, хотя твои собственные отношения заканчиваются раньше, чем остывает твой идиотский кофе!

— Мои отношения могли бы быть идеальными, если бы ты каждый раз не портила их! — я перехватил ее запястье, удерживая руку в воздухе. Мы оказались неприлично близко. Я чувствовал, как от нее исходит что-то неуловимо опасное и возбуждающее. — А твои, конфетка, такие, где «любовь» — это стоп-слово. Признай, ты не тот человек, который может дать действительно отличный совет. Ты никогда не любила.ж

Мэдди не отступила. Наоборот, она подалась вперед, так что кончик ее носа почти касался моего. Ее дыхание обожгло мою кожу, а взгляд скользнул к моим губам — всего на секунду, но этого хватило, чтобы в нижней части живота вновь все болезненно дернулось.

— Ты думаешь, что это я всему виной? — она покачала головой, усмехаясь. — Ты такой же пустой, как и твои подружки. И если бы ты не был таким чертовски упрямым придурком, ты бы понял, что единственное, что тебя действительно цепляет — это я. Но ты боишься признаться, что от меня у тебя срывает крышу сильнее, чем от любой другой.

— Ты чертовски меня раздражаешь, конфетка, — прошептал я, едва сдерживаясь, чтобы не притянуть ее ближе. — Это единственное, что я к тебе чувствую.

— Конечно. Именно поэтому на сегодняшней лекции твое тело реагировало на меня так? Из-за ненависти? Продолжай себе лгать, — она почти мурлыкала.

Я сжал ее запястье крепче, чувствуя, как под кожей бешено пульсирует вена. Мы балансировали на грани между привычной порцией яда и чем-то гораздо более глубоким. Ее зрачки расширились, она тяжело сглотнула, глядя на мои губы, словно решая: укусить или впиться поцелуем.

Я бы выбрал и то, и другое.

— Не боишься, что я прямо сейчас заставлю тебя замолчать и показать, на что способно мое тело? Секс из ненависти опасно привлекателен, — прорычал я, нависая над столом.

Она медленно облизнула губы.

— С чего ты взял, что я позволю тебе это сделать?

— Три года назад твой рот говорил тоже самое, — я ядовито усмехнулся, — а потом я стал твоим первым.

Что-то в ее голубых глазах дрогнуло, ненависть сменилась... тоской? Я никогда не успевал за ее эмоциями. Мэддисон могла извергать пламя тысячи драконов разом, а через секунду стать такой до боли хрупкой, что хотелось скрыть ее от всего мира. Спрятать. Оставить только себе.

— Три года — это довольно долгий срок, Кингсли. Я понимаю всю боль Даллас, поэтому знаю, о чем говорю, когда дело касается отношений, — ее голос упал до нежного шепота, от которого по спине побежали мурашки. — Три года... Это тысяча девяносто пять дней борьбы с собственным сердцем за то, чтобы забыть того, кого любить просто невозможно.

Я замер, не в силах даже вдохнуть. Что, черт возьми, значили ее слова? Мэдди смотрела на меня так, будто читала все, что я пытался спрятать глубоко внутри. Но верить в это? Ни за что. Это она оставила меня одного в пустой машине после всего, что между нами произошло, а теперь... теперь она говорит о какой-то любви?

Тео появился лишь недавно, а до этого у Мэдди никого не было. Она не могла говорить обо мне. Но и если бы эта девушка кого-то любила, я бы заметил, не так ли?

Черт.

В студии стало так тихо, что звук моего собственного сердца оглушал, отдаваясь в висках. Воздух между нами буквально искрился, становясь тяжелым, почти осязаемым. Еще секунда и я бы впечатал ее в этот чертов стол, наплевав на Даллас, на микрофоны, на весь мир. Мне до безумия хотелось поцеловать Мэддисон Миллер. Ощутить это падение с края гребаного обрыва, когда впереди только бездна и никаких парашютов. Для Стеллы адреналин — это опасные экспедиции. Моим же наркотиком, моим единственным топливом была она. Я убеж-

дал себя, что не люблю Мэдисон, но мое тело кричало об обратном. Я хотел ее до боли. Я хотел сорвать с нее эту невозмутимую маску и показать, как сильно она меня сломала тогда, в той машине. Показать и уйти.

Я облизнул пересохшие губы и подался вперед, сокращая расстояние до минимума. Плевать на последствия. Мне нужно было только одно: почувствовать, как это воплощение всех грехов человечества теряет контроль, распадаясь подо мной.

Но конечно, именно в этот момент монитор сбоку коротко моргнул, оповещая: «10 000 зрителей в прямом эфире».

Яркий свет экрана ударил по глазам, словно пощечина, отрезвляя лучше ледяной воды. Мы оба вздрогнули, выходя из этого транса. Мэдди отскочила от меня, будто я внезапно превратился в инфекцию. Она едва не опрокинула кресло, судорожно пытаясь убрать темную прядь с лица, но я заметил, как ее руки предательски задрожали. Я тут же одернул свои, вцепившись в край пульта так, что костяшки побелели — лишь бы скрыть, как судорожно вздымается грудная клетка и как отчаянно мне не хватает воздуха.

— Черт, — пробормотала она, нервно глядя куда угодно, только не на меня. — Мы... мы в эфире. Радио, Ашер. Чертово радио! Что на тебя нашло?!

— Да уж, — выдавил я, пытаясь вернуть голосу хоть какую-то небрежность. И тут же облегченно выдохнул, видя, что мы не нажали кнопку микрофона, когда сцепились. — Ну, хотя бы последние несколько минут не ушли в эфир.

Мэдди выдохнула, на секунду прикрыв глаза — вероятно, досчитала до десяти, как обычно делает, — а открыв их, смерила меня ненавидящим взглядом, зажимая кнопку громкой связи.

— Даллас, — процедила она сквозь зубы, не сводя с меня глаз. — Заблокируй его. Удали его номер. Перестань следить за его жизнью. И живи дальше.

— Конечно! — рассмеялся я, проводя ладонью по лицу. — Потому что именно так работает разбитое сердце. Просто нажимаешь кнопку «удалить» и идешь жить дальше. Гениально. Как мы раньше не додумались?

— Ты можешь хоть раз не вести себя как придурок?

— А ты можешь хоть раз не вести себя как ходячий мотивационный плакат?

— Да пошел ты... — начала она, но тут Даллас неожиданно перебила нас обоих, перестав всхлипывать.

Ее голос вдруг стал подозрительно ровным и холодным.

— Знаете что? — произнесла она. — Вы оба несете такой бред, что у меня возникло ощущение, будто я слушаю двух пятилетних детей, которые делят игрушечный грузовик.

Мэдисон на секунду онемела, ее рот приоткрылся от возмущения. Я чуть не подавился воздухом, чувствуя, как в горле застрял сухой кашель. А потом, не выдержав абсурдности момента, выдал:

— Ну, вообще-то, это определенно был бы мой грузовик, который Мэдисон захотела оставить себе.

Мэдисон со стоном ударила головой о стол, а количество зрителей, отраженное на мониторе, перевалило за пятнадцать тысяч, стремительно улетающая в стратосферу. Даллас разразилась хохотом.

Я бросил быстрый взгляд на экран. Чат бежал так быстро, что буквы сливались в одну сплошную полосу текста.

«Они встречаются?»

«Мэдисон Миллер — это же та девушка, которую какой-то идиот выбросил в фонтан? Это был Ашер?»

«БОЖЕ, КТО-НИБУДЬ, СКАЖИТЕ, ЧТО ОНИ КОГДА-ТО БЫЛИ ВМЕСТЕ! Я ЕЩЕ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛА, ЧТОБЫ ЛЮДЕЙ НАСТОЛЬКО СИЛЬНО ТЯНУЛО ДРУГ К ДРУГУ!»

«Мэдисон встречается с Тео, идиоты!»

Я поморщился при виде этого тупого имени и закрыл комментарии.

— Даллас, — начал я. — Если ты всё ещё с нами... то ты определенно должна прислушаться ко мне. Ревность сработает как детонатор и ты его вернешь. Хотя, я бы этого не делал.

— Ой, да заткнись уже, Ашер! — Мэдди подняла голову. Ее макияж был безупречен, несмотря на бурю, только губы были чуть припухшими от того, как она их кусала, и в глазах плясали искры ярости, смешанные с чем-то еще. Она нажала на кнопку микрофона с таким видом, будто собиралась придушить меня. — Даллас, ты права. Мы с Ашером — худший пример для подражания. Но... — она сделала паузу, и ее голос неожиданно смягчился, превратившись в тот самый бархатный тембр, от которого, вероятно, у всего университета подкашивались ноги. — Но Кингсли прав в одном. Не жди, что он прозреет. Игнорируй его, надень свое самое красивое платье, сходи с подругами в бар и выпей текилы. А когда он напишет «привет, как дела», просто пришли ему текст с вопросительным знаком. Все. Никаких драм, никаких объяснений. Дай ему почувствовать, что ты — это океан, а не лужа, в которой он привык полоскать ноги.

Я уставился на нее, открыв рот. Мэдисон Миллер только что дала совет в моем стиле? Мир точно перевернулся.

— Вау, — выдохнул я в микрофон, когда она отпустила кнопку. — Миллер, у тебя прогресс. Ты официально перешла на темную сторону.

— Не обольщайся, — отрезала она, уже вернувшись в режим «стервозная леди Элоиза Бриджертон». — Твоя стратегия с цветами все еще вершина безвкусицы.

— Даллас, — добавил я, не обращая внимания на колкость, — ты слышала Мэдди. Стань океаном. А этот парень... пусть он захлебнется в попытках понять, куда делась его «удобная» девушка. С вами были Мэдисон Миллер и несравненный Ашер Кингсли. Ждем ваших заявок завтра в это же время. Вас ждут две потрясающие недели!

— Признайтесь в своих чувствах пока не поздно, — мягко добавила Мэддисон.

Мы одновременно нажали кнопку завершения трансляции. Индикатор «LIVE» погас.

В студии стало неестественно тихо. Я откинулся на спинку стула, чувствуя, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя неприятную слабость в теле. Мэдди медленно выдохнула, отложила наушники и посмотрела на меня. В этот раз в ее взгляде не было ни ярости, ни холода. Только странная, почти болезненная усталость.

— Почему мы должны вести эфир две недели, когда празднование закончится уже завтра? — пробормотала она ни к кому конкретно не обращаясь. — И пятнадцать тысяч человек, Ашер? — покачала головой. — Мы только что превратили нашу ссору в главное шоу университета.

— По крайней мере, подняли охваты, — я попытался пошутить, но голос прозвучал хрипло. — Надеюсь, нас не отчислят.

— Харрис нас убьет, — Мэдди усмехнулась, откидываясь назад.

— Ну ему нужно было дважды подумать, прежде чем пускать нас на радио, — я пожал плечами. — Мы вышли в эфир? Да. Зрители были? Тоже да. Что еще нужно этому месту? Не помню, чтобы эта рубрика была так популярна в прошлые годы. Мистеру Харрису стоит сказать нам «спасибо».

— Ты невыносим, — усмехнулась Мэдисон, но на этот раз без прежней неприязни. Она поднялась, собирая свои вещи. — И... если ты еще раз назовешь меня «конфеткой» перед аудиторией, я сделаю так, что твое лицо украсит обложку следующего журнала, в котором я буду проходить летнюю стажировку и будет оно в самом невыгодном ракурсе.

Она развернулась и пошла к выходу.

— Эй, конфетка? — окликнул ее я.

Мэдисон замерла в дверном проеме, выдохнула, но проигнорировав свое прозвище, слегка наклонила голову в мою сторону.

— Да?

— Что ты имела в виду, когда сказала, что понимаешь Даллас? Я не помню, чтобы ты с кем-то встречалась три года назад, чтобы пытаться его забыть.

Уголок ее пухлых губ дернулся.

— Очевидно, фраза про то, что парни не понимают намеков, была правдивой. Хорошего вечера, Кингсли.

— Объясни мне! — попытался я, но она уже вышла из студии, даже не потрудившись закрыть за собой дверь.

Я наблюдал, как она уходит, покачивая своими соблазнительными бедрами. Такая чертовски уверенная, недостижимая, безумно раздражающая и такая... моя?

Я тряхнул головой. «Моя». Какой же бред.